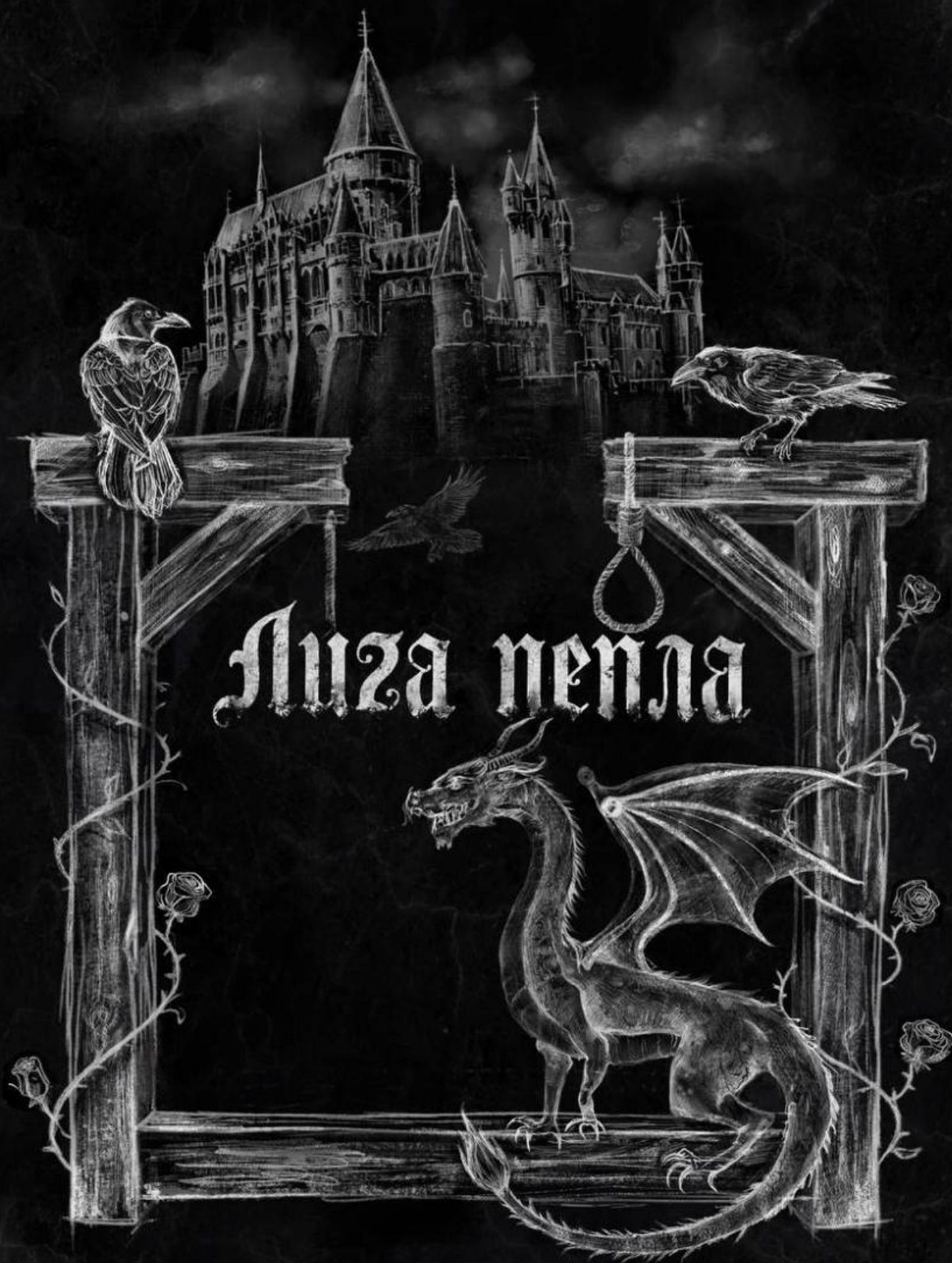

Луза пенла

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

АЛИНА БЫКОВА

18+

Алина Быкова

Лига пепла

«Автор»

2026

Быкова А.

Лига пепла / А. Быкова — «Автор», 2026

Рокси умеет красть драгоценности, сердца и чужие секреты. Главное — не попасться. Годами ей удавалось жить под чужими именами, скрывая запретный дар и обманывая тех, кто считал себя хозяевами мира. Но одна ошибка приводит ее к человеку, который не поддается чарам. Герцог Зендар Дорвен знает, кто она на самом деле. И Рокси вынуждена согласиться на его условия. Теперь ей придется играть в куда более опасную игру, чем прежде. Среди заговоров, политических интриг и ненависти к магии ей предстоит выяснить, кому можно доверять, почему Лига Шести трещит по швам и какую цену придется заплатить за собственную свободу. Первая часть трилогии.

© Быкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Петь или удавиться.	5
Глава 2. На птичьих правах	21
Глава 3. Гнилое веретено	30
Глава 4. Черная роза пустыни	49
Глава 5. Мести сладкий вкус	71
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Алина Быкова

Лига пепла

Глава 1. Петь или удавиться.

— Именем его Королевского Величества Корвуса Шестьдесят Пятого, Суверена Лиги Шести, Мудрого Хранителя Союза Таларры, Идрании, Люмерии, Аквилора, Тарна и Элбренна...

Голос судьи Вейна разрезал гул толпы — холодный, неумолимый, как сталь гильотины.

Он восседал на возвышении, закутанный в черную мантию с алой подкладкой. Сидела она криво, будто накинута впопыхах. Горностаевый мех сполз с плеча, обнажив парчовый дублет.

Судья сощурился от утреннего света, поджал губы, глянул на магов — брезгливо, как на тараканов, — и зевнул.

— Вы, — голос его накрыл площадь, — уличенные в запрещенном колдовстве, в магии без дозволения Короны, в чернокнижии и растлении юных умов...

Он сглотнул. В животе заурчало.

— ...приговариваетесь к смертной казни через повешение!

Он покосился на толпу, где какой-то мужик с аппетитом жевал жареные каштаны. Запах добрался до носа, желудок свело судорогой.

Судья облизнулся и зачастил — хотел поскорее закончить:

— Да свершится сие во Имя Эревайна, дабы Владыка Смерти взвесил ваши души и узрел черноту, что вы впустили в них! Да качнется чаша весов его в сторону Тьмы, да падете вы в его бездонное царство!

Барабаны грянули так, что заложило уши. Слова судьи утонули в грохоте, и толпа подхватила — радостно, требовательно, как на празднике:

— Пусть танцуют!

— Заставьте их станцевать!

Куски лепешек летели изо ртов на плечи соседей, пальцы тыкали в эшафот, где десять человек в грязных робах ждали своей очереди. Бледные, осунувшиеся, с петлями на шеях. Кто-то, зажмурившись, шевелил губами — молился? Кто-то смотрел в небо.

Перед помостом, на низкой деревянной плахе, застыла девушка в мешковатом синем платье. Рядом — скрипач со смычком, устало опущенным вниз, и цимбалист, глядящий в никуда.

Девушка не смотрела на эшафот. Пальцы бесцельно скользили по струнам лютни — туда-сюда, туда-сюда. Без музыки.

«Растление юных умов, — она скривилась. — Шпану грамоте учили, что ли? Или фокусы показывали? Вот и доигрались».

Палач, огромный детина в кожаном фартуке, шагнул к первому. Размахнулся, ударил по табурету — и маг, захлебнувшись криком, сорвался с подмостков. Петля дернулась, хрустнула — и маг затанцевал.

Ноги в грязных башмаках забили по воздуху — скрещивались, разлетались, искали опору там, где теперь была пустота. Пальцы судорожно сжимались и разжимались, царапали шею, сдирали кожу кровавыми полосами.

Пляс длился недолго.

Толпа взревела от восторга.

— Играй! — прошипел цимбалист, толкая девушку в спину.

— Меня сейчас вывернет, — простонал скрипач, косясь на эшафот.

— Нечего было попадаться, — бросила девушка, не глядя на них.

Она подняла глаза на виселицы — на дергающиеся тела, на толпу, которая выла от восторга, — и улыбнулась.

Поставила пальцы на нужный лад — бойкая, плясовая мелодия хлестнула по площади. Она запела — весело, звонко, переливающимся меццо-сопрано.

«Почему они не колдуют? Почему не спялят палача?» — пронеслось между куплетами. — *Не может быть, чтобы все были бездари».*

Она глянула вниз. Площадь была испещрена рунами — черными, вьевшимися в камень, выжженными, как клеймо. Выцветшими и стертыми за тысячи лет топтания. Поговаривали, это кровь последнего черного дракона. Кто-то считал — это просто грязь.

Девушка попыталась потянуться к нитям магии — ощутить ее под кончиками пальцев — не вышло. Нити были неподвижны, словно окаменели. Ее передернуло.

«И работает же. Хитро».

Отыграв финальный аккорд, она оглядела площадь.

Толпа уже не смотрела на виселицы. Все ломилось к лавкам с похлебкой, пихались, совали купцам медяки. Болтающиеся тела на фоне этого чавкающего, жующего, довольного люда смотрелись естественно. Как часть пейзажа.

Сброд Нижнего города сюда пускали редко — только по большим праздникам: Коронация, день рождения короля и казни особо опасных преступников. Народ это дело любил: кормили бесплатно.

Спускаясь с плахи, девушка поймала взгляд.

В ложе для знати сидел молодой человек в пышном пурпурном кафтане. Смотрел прямо на нее. Она улыбнулась — коротко, но так, чтобы он заметил. Аристократ встрепенулся, извинился перед соседями и начал пробираться к эшафоту — к ней.

Цимбалист скрестил мизинец с безымянным — девушка кивнула. Он дернул скрипача за плащ, и музыканты растворились в толпе, по пути срезав кошель у толстого купца, рыгающего сбитнем. Тот не заметил.

Аристократ приблизился и поклонился — изящно, как на балу.

— Я восхищен вашим голосом, миледи.

Улыбка у него была безупречной: ни одного кривого или сломанного зуба — он явно не грыз черствые корки. Карие глаза на солнце блестели золотом. Под кафтаном угадывалось тело — не изнеженное жиром, но и голод ему был не знаком. Русые кудри, неуместно чистые, спадали на плечи.

— Я впервые вас здесь вижу. И, слушая, забыл, где нахожусь.

Девушка присела в реверансе — ровно настолько, чтобы не переиграть.

— Благодарю, милорд. — Рука сама собой поправила прядь волос, прикрывая кончик уха — быстро, незаметно. По крайней мере, она очень старалась.

— Вы, должно быть, заблудились. — Он оглядел толпу, словно крыс, копошащихся в помойке, и сморщился. — Таким, как вы, здесь не место. Ваш голос рожден для бальных залов.

Она улыбнулась — чуть кривовато, будто что-то скрывала, и потерла вздернутый носик.

— Судьба бастардов капризна, милорд. Папенька решил, что в особняке мне делать нечего. Так что выбор невелик: либо петь здесь, — она кивнула на площадь, — либо удавиться.

— А я еще удивился — откуда вы знаете этикет. — Он вздохнул. — Прискорбно, когда таланту предлагают такие... безрадостные перспективы.

Он огляделся, поправил кудри и выпалил:

— Мне здесь не нравится. Позвольте угостить вас вином? В «Золотом грифоне»?

— Я бы с радостью, милорд, но... — она опустила глаза на платье. — В таком виде меня примут за прислугу.

— Это мы исправим за полчаса. — Он оживился, как мальчишка, которому пообещали деревянного коня. — Позвольте мне быть вашим... благодетелем на этот вечер.

Девушка улыбнулась одними уголками губ, и снова опустила глаза. Почти застенчиво. Она пыталась сообразить, что еще полагается делать благородной девице, когда на нее так смотрят. В голову лезло только прикрыть лицо веером. Представив, как растопырит пальцы, изображая опахало, она едва не прыснула со смеху. Аристократ моргнул. Улыбка сползла с его лица, уступив место растерянности.

— Боги, какой же я осел! — воскликнул он. — Простите! Я даже не представился!

Он снова поклонился — теперь глубоко.

— Граф Аларик фон Эверсберг. А вы, миледи?

Девушка внутри взорвалась фейерверком. Фон Эверсберг!

Она прикусила губу, чтобы не расплыться в ухмылке.

— Меня зовут... — она запнулась, взгляд скользнул по вывеске борделя вдалеке. — Вивьен. Вивьен де Ленор.

Вивьен взглянула — и присвистнула. За два месяца, что она жила с Алариком, он впервые пригласил ее не в салон, где кутил с приятелями, а в галерею. И карету прислал самую роскошную — пурпурно-золотую, с гербом фон Эверсбергов на дверце: змея, обвивающая две монеты. Тот же символ красовался на половине банков Велархейма — тех самых, где процент был тем выше, чем скромнее твой счет.

Кучер спрыгнул с козел так резво, будто его огрели плетью, и замер у дверцы.

— В «Зал забытых королей», Невилл, — распорядилась Вивьен, усаживаясь.

Она откинулась на спинку и провела пальцем по позолоченной ручке.

«А если ее расплавить, сколько получится монет?»

Карета затряслась по широким мощеным улочкам Верхнего города, и Вивьен прилипла носом к окну. Дома из белого мрамора вздымались по обе стороны, сверкая на солнце, будто их начистили до блеска. Каждый особняк норовил перещеголять соседа роскошью: кто колоннами, широченными, точно ноги великана; кто лепниной, стиснувшей фасады каменными кружевами; кто огромными гербами с мантикорами, саламандрами и прочими зверями, которых владельцы в жизни не видали. Верхний город выглядел как декорация для спектакля, а настоящая жизнь оставалась за кулисами его стен.

Здание галереи, высеченное из белого мрамора, больше походило на дворец. Искусство здесь чтили с фанатичным рвением: вдоль стен теснились мраморные статуи королей и богов, которых скульпторы изобразили писанными красавцами, чтобы сохранить головы на плечах. Знать расхаживала пестрыми стайками, щеголяя золотом на камзолах, и с глубокомысленными лицами обсуждала полотна о том, как славно Лига умеет убивать. Золото лилось со стен, потолков и рам, словно все королевские рудники обобрали, чтобы нарядить эти залы.

Аларик фон Эверсберг разглядывал потолок в компании двух незнакомых лордов — один старый, с лицом, похожим на сморщенный гриб, другой — плешивый, с рыжим клочком бороды под губой. Оба самозабвенно восторгались картиной Корвуса Первого, гарцующего на вздыбленном коне.

Вивьен взяла бокал со стола, ломившегося от канapé, и бесшумно скользнула к компании.

— Величайшее событие нашей истории! — вещал плешивый. — Корвус объединил разрозненные земли и даровал нам силу...

Аларик прикрыл глаза. Еще секунда — и он бы зевнул.

— А я слышала, — вклинилась Вивьен, плечом коснувшись его локтя, — что он объединил земли, чтобы всей мощью обрушиться на эльфов.

Аларик встрепенулся, будто в душной комнате распахнули окно. Выпрямился, поправил камзол и уставился на нее.

— Чему только не научат эти эльфы, лживые тва-а... — плешивый осекся, заметив девушку. Лицо пошло багровыми пятнами — от шеи до лысины.

— Не при даме! — стиснул зубы Аларик.

Тот замялся, покраснел еще гуще, пробормотал что-то невнятное и опрокинул бокал. Скривился — кислятина, — но промолчал. Вивьен хихикнула в кулачок.

— Господа, позвольте представить. Леди Вивьен де Ленор из Тарна.

Вивьен салютовала им бокалом. Она запомнила, что старый — граф Браймур, а плешивый — какой-то барон. Имя вылетело из головы.

— Мне доводилось бывать на севере, — начал барон, пытаясь оправиться. — В Тарне самые красивые горы. «Де Ленор» — как-то не по-северному звучит, вы не находите?

— Вы правы. — Вивьен тронула пальцем край корсажа — он вдруг стал тесноват. — Мой прадед был таларрским рыцарем и служил лорду... Кейну, кажется. Тот потом пожаловал ему имение.

— Скучаю по северу, знаете ли. — Барон потер плешь. — В столице даже каминны ненастоящие. А где ваш батюшка? Я б эля выпил с настоящим северянином.

— Ах, папенька в Тарне остался... Вы же слышали, там беспокойно.

— Хм, — нахмурился барон. — Видно, и до севера добрались южные нравы. Раньше у нас девушку одну дальше крыльца не отпускали. Как же это ваш батюшка...

— Боги! — замахал руками граф Браймур. — Вы бы еще под дыбу ее положили. Прошу простить его, миледи. Наш друг несмышлен и груб.

Барон уставился на собственные туфли. Вивьен поднесла к губам бокал — прохлада хрустала сдерживала подступившее к горлу волнение. Терпкий напиток скользнул по горлу, и напряжение ушло.

— Неудивительно, что ему не везет с дамами! — усмехнулся Аларик.

Он глянул на Вивьен, ожидая улыбки. Она подмигнула — скорее из вежливости. Слушала она графа Браймура, который склонился к ее уху, что-то нашептывая. Аларик сильно сжал ее запястье. Вивьен вздрогнула, дернула руку — он не отпустил.

— Прошу извинить, господа, — отстранилась она. — Пройдусь, осмотрю картины.

Портреты — один пышнее другого — тянулись вдоль стен чередой надменных лиц. Вивьен шла медленно, разглядывая гербы, парчу, ордена на груди давно мертвых вельмож. Взгляд задержался на черноволосом смуглом мужчине.

Дорвен.

В Лиге Шести каждая земля принадлежала своему герцогу. Дорвены держали в кулаке Идранию — богатейшую южную землю, где, говорят, даже в песках валялись изумруды.

Вивьен мало что знала про земли южнее Таларры — разве что идранские пряности, шелка и изумруды славились на все королевство. Зато помнила премудрость, вбитую в голову с детства: увидишь пьяного идранца в таверне — беги. Южане горячие, как их пески. Затеют драку — не остановишь. Проиграешь — кисть отрежут и на горбатую лошадь повесят.

— Радость моя! — раздалось сзади.

Граф фон Эверсберг — раскрасневшийся и запыхавшийся — нагнал ее.

— Вот ты где! Наконец-то мы одни. А то этот старикан так пялился на тебя... — Он осекся. — Держи! — Граф сунул ей расписку. — На новые платья.

Вивьен мельком оценила сумму — расписка исчезла в декольте.

— Аларик, это слишком щедро! — Она улыбнулась ровно настолько, чтобы показать благодарность.

— Брось, для тебя ничего не жалко. — Он фыркнул, довольно щурясь. — Долг вернули. Вчера каждая ставка сыграла, слава Сериссе! Сейчас снова еду играть, пока богиня удачи благоволит. Не могу больше смотреть на эту мазню — усну от скуки.

«Опять все проиграет и будет плакаться».

В прошлый раз он явился с карманами, набитыми картами, и орал на весь дом, что удача — как женщина: сегодня к одному пришла, завтра — к другому. В позапрошлый приволок девицу из борделя. Та, на радостях, рыгнула прямо на его парадный кафтан — пурпурный, золотом шитый, единственное, что осталось в нем от великого рода фон Эверсбергов.

— Опять оставляешь меня одну? — Вивьен надула губки. Она вовсе не жаждала его общества. Но в роли влюбленной леди полагалось говорить именно так.

— Вечером навещу, даю слово! — Аларик облизнул губы и растянулся в улыбке. — Как раз отблагодаришь!

— Лорд фон Эверсберг, — раздалось за спиной.

К ним подошел смуглый мужчина лет пятидесяти — черные волосы тронула седина, темно-зеленая туника выдавала южанина. В молодости он, вероятно, был красив — теперь лицо избороздили морщины, а в глазах сквозило раздражение.

— Рад, что вы почтили нашу выставку. Уже видели новое приобретение? — спросил он, имея в виду портрет Корвуса.

— Лорд Дорвен, — кивнул Аларик. — Прекрасная картина. Очень... тонкая работа.

Он не смыслил в искусстве ничего. Его пальцы бессознательно сжимали и разжимали манжеты. Вивьен понимала: он готов отдать все, чтобы этот аристократ заговорил о погоде или лошадях.

— Не могу не согласиться. Полотно моей супруги, — пояснил лорд Дорвен.

— В таком случае, я, пожалуй, недостаточно его похвалил. В следующий раз исправлюсь, — осклабился Аларик. Он спохватился, выпрямился и сделал жест в сторону Вивьен: — Позвольте представить мою спутницу...

— Не стоит. — Взгляд лорда скользнул по Вивьен — бегло, без интереса, словно она была пятном на ковре. — Ваш отец может позволять вам вольности, но в галерее моей жены присутствие безродных куртизанок недопустимо. Передайте отцу, я желаю с ним поговорить. Наслаждайтесь выставкой.

Аларик стоявший, втянув голову в плечи, проводил его взглядом и наконец выдохнул.

— Не обращай внимания. Высокомерие у них в крови. Ненавижу их. Отец еще как-то терпел прошлого герцога, а эти...

— Кто это был? — тихо спросила Вивьен. — Ты назвал его «лорд», а не «ваша светлость». Разве он не герцог?

— Нет. Это Марсело, младший брат вот этого покойничка, — Аларик мотнул головой в сторону портрета, где зеленоглазый старик в доспехах смотрел вдаль. — Нумарр Дорвен. Говорят, великий воин был. Лет шесть назад с лошади упал и шею сломал. Идиотская смерть.

Он перевел взгляд на соседнее полотно. Лицо его исказила гримаса, будто он проглотил слизняка.

— А это — его сынок. — Аларик поморщился. — Новый герцог.

С портрета на Вивьен смотрел молодой мужчина. Красивый — той отполированной, неестественной красотой, что просилась на монету. Что-то в его взгляде притягивало и отталкивало одновременно. Слишком холодный, слишком уверенный, властный — не у каждого короля такой.

«Художник явно не поскупился на лесть», — подумала она.

— Самый молодой член Совета. Ему и тридцати нет. Отец говорит — выскочка и балабол. Еще он с налогами там... что-то выдумал, я уж не вникал. — Он сжал ее запястье. — Ты

с ним даже не вздумай пересекаться. Слышишь? Не хочу, чтоб такие, как он, на тебя заглядывались.

Вивьен не удивилась, что Аларик не разобрался в налогах. Ее бы не удивило, если бы он не знал, что это такое. Но держаться подальше от Дорвенов звучало разумно, и она кивнула Аларику в знак согласия.

— Настроение испортилось, — проворчал граф, отпустив ее руку. — Поеду в салон играть. Вечером буду!

— Я пока тут побуду, — ответила Вивьен.

Лицо у нее стало по-детски сосредоточенным — как у сорванца, замыслившего подставить ножку чопорному гувернеру.

Она скользнула к камину — мраморному, с затейливой лепниной, явно работы старых мастеров. Настоящий. Убедилась, что никто не следит, запустила руку в холодный пепел и выудила уголек.

Вернулась к картинам. Оглядываясь через плечо, принялась выводить усы — сперва покойному герцогу, потом, для симметрии, его брату. Уголек крошился, оставляя жирные полосы на холстах.

— Вот так, милорды, — прошептала она, выводя загогулину на лице Марсело. — Получайте.

Издалека донеслись шаги. Вивьен замерла. Сердце, только что отбивавшее победную дробь, подскочило к горлу.

Тень? Показалось?

Она швырнула уголек на пол, отряхнула ладони о подол и, стараясь не бежать, двинулась в приемный зал.

У стола с бокалами топтался граф Браймур — тот самый, похожий на сморщенный гриб.

— Милорд! — Вивьен всплеснула руками и заулыбалась, будто только и ждала его. — А я вас ищу!

Она подхватила его под локоть и потащила в толпу, щебеча милую чушь. И лишь раз, через плечо, бросила быстрый взгляд — не идет ли кто за ней.

Герцог захлопнул за собой украшенную изумрудами дверцу кареты. Серебряная вязь — фениксы, трехглавые кони и прочие мифические твари Великой Пустыни — блеснула на солнце, ослепив его. Герцог тихо выругался и зашагал по мраморным ступеням королевского дворца.

Стражники расступались перед ним без лишних вопросов, вытягиваясь по струнке вдоль стен, испещренных черными рунами — такими же, как на площади. Редкие писари и дворцовые слуги суетливо кланялись и спешили исчезнуть с глаз. Перед дубовой дверью, уходящей ввысь на три его роста, герцог остановился.

Из-за двери доносились крики:

— Ишачья голова! Дурень дуполобый! Балгорн отдал! Зараза! Да чтоб он чумным в канаве сгнил!

Герцог помедлил секунду. Откинул со лба непослушные угольные кудри — те вечно лезли в глаза, не признавая ни гребня, ни правил. Одернул черный камзол, с силой дернул двери за кольца и распахнул.

Повисла тишина.

— Ах, ваша светлость, мы уж думали, вы не почтите нас своим присутствием! — Кардинал протянул это так сладко, что захотелось проверить, не прилип ли он к креслу. Опровергая

эту мысль, он встал и потянулся — широкие рукава его богато расшитой туники сползли до плеч, обнажив костлявые руки.

— Ты опоздал. — Король чавкнул огромным куском каплуна. — Совет для тебя шутка, что ли? Может, исключить?

— Прошу прощения, ваше величество. — Герцог плюхнулся в кресло напротив короля и развалился в нем так вальяжно, будто это был его собственный диван.

Король навалился на стол, разделявший их. Прищурился, потыкал в сторону герцога вилкой — с той еще капал жир. Он явно ждал большего уважения от молодого вассала, но тот невозмутимо смотрел в ответ, не мигая. Резко отвернувшись, король харкнул в сторону.

— Ну? — рывкнул он. — В Идрании сколько померло?

Герцог с интересом изучал свои ногти.

— От голода, ваше величество? Трудно сказать...

— Вот поколение, — заворчала герцогиня Аквилора, кутаясь в соболью шубу, в которой летом даже на севере было бы жарко. — У меня самая большая земля! Подо мной полсотни вассалов! Сотни наместников! А мы и то всех сосчитали! Каждый лорд перепись ведет! При твоём отце...

— Я хотел добавить, пока вы меня не перебили, — оборвал ее герцог, закидывая ноги на стол. — В Идрании голода нет.

Король переглянулся с кардиналом.

— Это как это так? — Он ткнул пальцем в недоеденного каплуна, приказывая слуге унести. — У вас же там один песок?

— Ваше величество, при всем уважении... — герцог лениво растягивал слова. — У нас есть оазисы, пашни в предгорьях, финиковые рощи...

— Фу, — король скривился, — не говори мне про финики! Гадость редкостная! — Он недовольно сплюнул. — И что, ты ими всю Лигу накормишь?

— Вряд ли. Самим едва хватает. Мы не ждали, что морозы погубят урожай Аквилора.

— Так какого дракона ты мне голову морочишь? — взревел король.

Он дернулся, выковырял из зубов остатки каплуна и ткнул пальцем в слугу, пытавшегося слиться со стеной.

— Эй ты! А ну-ка плесни вина! Мать твою за ногу, ну в чарку же, а не на стол! Меня окружают одни бестолочи! Где Мак-Кайрн?

Кардинал виновато развел руками.

— Не прибудет, ваше величество. Дела в Тарне совсем плохи. Народ бунтует, тракт заваляли трупами, а герцог Мак-Кайрн...

— Балгорн просрал! — перебил король. — Чтоб его черви точили! — Он вскочил, пнул ножку стола. — Морду свою позорную показать не может! Ну, а вы?! — Он обвел взглядом собравшихся, тыча в каждого вилкой. — Языки в жопе спрятали? Вы же Совет! Так советуйте!

В ответ — хор тишины. Кардинал рассматривал резьбу на столе. Герцогиня изучала мех на шубе. Герцог перестал любоваться ногтями и взглянул на короля — тот еле влез в кресло и потягивал вино из чарки.

— Ваше величество, есть одна мысль. — Опустив ноги на пол, он выдержал паузу, как в хорошем спектакле. — Может, выведем войска?

Король поперхнулся вином, брызги фонтаном ударили в стол, кардинала и герцогиню Аквилора.

— Ты сдурел, что ль, Дорвен? На солнце перегрелся? — Король откашлялся и смачно харкнул. — Отступить? Ты за кого меня держишь? За труса?

Он ткнул пальцем в чарку, слуга тут же налил ему еще.

— А народ? — влезла герцогиня, промокая рукавом лоб. — Мы там сколько людей положили?

— Вот согласен! — Король махнул чаркой в сторону герцогини и пролил на стол. — Нахрена оно тогда?

— Вот и я не понимаю — нахрена. — Герцог Дорвен откинулся на спинку кресла. — Балгорн за четыре года не взяли. Рудники — потеряли. Люди дохнут с голоду. Снега скоро. Может, хватит?

— И чья вина?! — рявкнул король. — Твоя, сопляк! Если б ты солдат дал, мы бы...

Дорвен рассмеялся. Белые зубы сверкнули на смуглом лице.

— Чего скалишься? — Король стукнул пустой чаркой по столу. — Сидел тут, ерепенился! Южане не это, южане не то! А теперь что?! Из своих закровов будешь север кормить?

— Да. — Дорвен снова закинул ноги на стол. — У меня уже есть идея.

Он слегка улыбался, смакуя всеобщее внимание.

— В Элетерии, слышал, научились пески орошать. Магией. Пустыня в сады превращается. У меня земли много. Если...

— Ересь! Ересь! — взвизгнул кардинал, вскакивая. — Вы! Да как смее! Ихняя магия... она нечистая! Они в богов не верят!

— А мы?! — всплеснула руками герцогиня и с видимым облегчением скинула шубу, оставшись в строгом платье, пошитом на северный манер. — Если и вы у себя зерно вырастите, мы чем будем торговать? Одним лесом? Нет, так не пойдет, герцог.

Она задумчиво погладила лазуритовый перстень на пальце и с томной улыбкой повернулась к королю, поправив русый локон, выбившийся из прически. Годы уже тронули ее лицо мелкими морщинками у глаз, но в ней еще угадывалась прежняя красота аквилорских женщин.

— Ваше величество, если Аквилор перестанет быть житницей Лиги, я на всех реках пошлины подниму. И тогда всем землям придется не сладко.

— При чем тут пошлины?! — не унимался кардинал. — Их магия развращает умы!

Герцог одним жестом велел кардиналу захлопнуть рот и уставился на короля.

— А что, — король задумчиво почесал бороду. — Мыслишь ты верно, Зендар.

Он вырвал графин из рук слуги, приложился к горлышку и пил долго, с наслаждением. Вино потекло по бороде и закапало на живот.

— Захватим Элетерию! — объявил он, грохнув графином о стол. — Заберем запасы, штучки магические... Золото! У них, небось, его тьма!

— Ваше величество, — герцог старался говорить спокойно, — вы не в том положении, чтобы новую войну начинать. С горцами-то не справились, а в Элетерии — один маг сильнее нашего отряда. Мой план...

— Да слышал я твой план! — отмахнулся король. — Но мой-то лучше! Корвус Второй в штаны там наложил, но я-то — не Второй. — Он похлопал себя по пузу. — И про позор с горцами все забудут.

Кардинал оживился, заерзал в кресле.

— Ваше величество, а если объявить поход священным? Сами боги велют...

Король с размаху стукнул его графином по плечу так, что тот чуть не свалился с кресла.

— Во имя Эревайна! — захохотал он. — А если еще всем сказать, что это они на нас напасть хотели? А мы — упредили!

Герцог закрыл глаза. Едва сдержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу.

— Это самая идиотская затея, что я слышал за сегодня, — выдохнул он. — Возможно, за всю жизнь.

— Пошел вон, Зендар! — гаркнул король. — Настроение портишь! Давай-давай, проваливай!

Герцог медленно опустил ноги со стола, поднялся и, не оборачиваясь, направился к двери.

— Ох, что-то аппетит разгулялся, — донеслось ему в спину. — Эй ты! Что там у нас сегодня? Кабан? Фаршированный? Тащи!

Герцог уже взялся за кольцо на двери, когда голос короля настиг его снова:

— Вызовите-ка мне Эсбольда. Где там его армия застряла? Темнил он что-то. Может, он и не такой олух бесполезный, как этот герцог Мак-Кайрн. Пусть Балгорн мне возьмет. А мы пока про Элетерию покумекаем...

Зендар Дорвен вышел из дворца и глубоко вдохнул. Пахло морем и цветущими бугенвиллеями, облепившими стены ярко-розовыми гроздьями, — всем, чем так гордились местные. Сейчас этот запах его только раздражал. Он махнул кучеру — мол, езжай без меня — и неторопливо направился к галерее.

Беломраморная громада замаячила впереди. Дядя просил приехать пораньше — к открытию выставки. У входа не толпились люди — он явно опоздал. Ну и ладно. Для очередной ругани с родственниками Зендар был совершенно не в духе. Идиотов ему сегодня хватило.

Он обогнул здание, кивнул страже у заднего входа и нырнул в вычурно украшенный коридор. Тишина, позолота, пустота — почти идеально, если убрать второе. Главное — никого не встретить. Никаких светских бесед, фальшивых улыбок и пустых комплиментов. Нужно подумать. Нужно решить, что делать дальше.

Он шагнул в зал — и замер. У портретов его родни, спиной к нему, копошилась девушка. Пепельные волосы, маленькая, худая. Что она там делает? Молится?

Зендар попятился. Только этого не хватало — нарваться на очередную бесприданницу, решившую покорить самого завидного жениха королевства.

Он уже собирался бесшумно скользнуть в боковой коридор, как девушка резко обернулась. Что-то выронила, потрепала платье и припустила прочь, даже не взглянув на него.

Зендар подошел к картинам — и расхохотался.

На портрете отца красовались жирные черные усы — аккуратные, с завитками на концах. Как у ряженого кавалера.

— А ему идет, — сказал он вслух.

Перевел взгляд на портрет дяди — его украшал лишь один робкий завиток под носом.

— Несправедливо.

Зендар поднял уголек, быстро довел до совершенства дядину верхнюю губу, полюбовался и, все еще улыбаясь, спустился в мастерскую.

Вивьен нежилась на кровати, лениво поднимая бокал с вином. Пальцы бессознательно скользнули по правому предплечью, вырисовывая знакомый узор сквозь тонкую ткань.

Замысловатые эльфийские линии в форме феникса для чужого глаза были лишь дерзким украшением. Только она помнила, что скрыто под ними: кожу, грубую, как смятый пергамент. Изящная вязь старательно прятала шрамы.

Она сделала глоток вина и сморщилась.

Дверь распахнулась. На пороге застыл Аларик — лицо расплылось в широкой улыбке, вот только один глаз упорно косил влево — на косяк. Путь до кровати он проделал, словно переходил реку по камням: шаг вправо, шаг влево, замер, обошел невидимую лужу.

— Любовь моя... Я пришел!

Вивьен улыбнулась — заботливо, преданно.

— Я тебя так ждала, — голос сочился нежностью.

Она ненавидела, когда он вламывался в спальню. Граф платил за апартаменты — и считал, что ему все можно. Но каждый раз она втайне надеялась: проспится в салоне и не придет.

Аларик грузно рухнул на кровать, не снимая сапог, обхватил ее — она едва не расплескала вино. Несколько капель выплеснулись на простыню.

— Ну вот, испачкала! — вырвалось у нее. Брезгливо отставила бокал, поправила локоны на висках. — Придется заказывать новые.

— Я куплю тебе... новую к-кровать, — выдавил граф, уткнувшись в нее лицом и вдавив мертвым весом в перину.

Взгляд его упал на кольцо — бриллианты сияли в свете канделябров.

— Это от кого? — Он насупился. — Я т-тебе т-такое не дарил.

— Ах, это? — Вивьен дотронулась до камней, будто впервые увидела. — Лорд Браймур оказался щедр.

— Вот же осел похотливый, — возмутился Аларик, трезвея на глазах. — И барон, сволочь плешивая, на тебя слюни пускал.

— Ты такой милый, когда ревнуешь. — Она прильнула к его плечу. — Ты же знаешь: мне нужен только ты!

«Ну, понеслось, — подумала она. — Снова доказывать, что он самый богатый и желанный. Его титул что, каждый раз надо заново покупать?»

— П-правда? — Голос дрожал от обиды, но губы уже растянулись в ухмылке. — А знаешь... даже приятно, что все так и пялятся на мою игрушку.

Он замолчал.

— Извини, что снова... — Аларик провел рукой по лицу. — Отцу донесли, что я притащил тебя в галерею. И он...

Вивьен участливо взяла его за руку.

— Опять сказал, что я олух. Позорю фамилию! — Он смачно харкнул на пол. — Пристал со своими банками! Заставляет ехать обратно в Верессию, эту дыру! Там красивых женщин... — он скрутил дулю. — После столичных — выть хочется. И все ради каких-то бумажек с цифрами!

— А как же я, любовь моя? — Голос дрогнул, рука прижалась к груди.

— Это всего на пару месяцев.

Пара месяцев. У Вивьен похолодели пальцы. Столько времени у нее не было. К тому же, платья, счета из салонов — ничто не оплачивалось воздушными поцелуями.

— Милый, ну какая же Верессия дыра! Главный торговый город королевства. А какие у вас там... реки... — она мечтательно подняла глаза к потолку. — Я бы хоть одним глазком взглянула.

— Не могу я! — Аларик всплеснул руками. — Ты же знаешь этого ублюдка старого... Увидит с девкой — не то что кошель отберет — жениться заставит! А без тебя я и двух дней не выдержу! Ты у меня единственный просвет! Я с тех пор как тебя встретил, даже в борделях скучаю... ни на кого смотреть не тянет!

Вивьен выбрала вежливо промолчать. Их связь напоминала ей браки тех дам, что годами терпят мужей, лишь с незначительным отвращением.

— А знаешь, — оживилась она, — это даже к лучшему! Представляешь, какой шанс — разгадать главный отцовский секрет!

— Чего? — Аларик наморщил лоб.

— Ну как же! Секрет ваших хранилищ. Непрístupные крепости фон Эверсбергов. Вдруг отец наконец расколется?

— Ты точно лучшего мнения о нем, чем я, — буркнул он, почесывая нос.

— Привези мне хоть маленький секретик. — Вивьен растянулась на кровати, как сытая кошка. — А то я тут одна скучать буду...

— Прости, крошка. — Он полез во внутренний карман. — Я о тебе позабочусь. Вот расписка на десять тысяч. Больше нет. А не хватит — у друзей моих перехвати, я потом верну.

Вивьен чуть не захлопала в ладоши. Десять тысяч веларов. На эти деньги семья с десятком детей из Нижнего города могла бы не знать голода года три. Два месяца в Верхнем городе с ежедневными устрицами и сорбетом из шампанского в «Золотом грифоне» обходились меньше. Еще останется!

«Если узнают — половину придется отдать. Но как они узнают?»

Вивьен потянулась за распиской.

— Одно условие, — граф одернул руку.

Под скулой дернулся нерв, но Вивьен медленно выдохнула:

— Какое же, милый?

— Чтоб без меня с другими лордами не якшалась. Я запрещаю.

«Дурень. Даже не узнает».

Она кивнула, затушила свечу и поцеловала его — решив, что он заслужил ее ласки. Под монотонные движения его бедер она разглядывала блики на канделябре, прикидывая, сколько новых пар туфель сможет купить на эти деньги.

Бал у графини д'Эстель выдался неприлично пышным. Цветы громоздились так густо, что между пионами, гортензиями и диковинными растениями, названий которых Вивьен не знала, едва проглядывал паркет. Свет люстр дробился в бокалах с таларрским игристым, элбрэнским виски и терпкими винами Тарна.

Толпа дворян щеголяла в вычурных камзолах и платьях невообразимых расцветок — даже самая пестрая цветочная поляна показалась бы блеклой. Волосы лоснились от масел, украшения сверкали. Вивьен скушаяще оглядывалась, когда ее взгляд споткнулся о приближающегося барона.

Им оказался Киттенс. Барон, который извинялся всегда и везде. Он извинился, когда приглашал ее на танец. Извинился, когда его влажные холодные ладошки сомкнулись вокруг ее пальцев. Извинился за то, что пахнет потом. За вчерашний дождь. За грязь на сапогах. За то, что не знает сплетен.

Извинился, когда наступил ей на ногу.

Атласная туфелька, расшитая жемчугом — та самая, за которой охотились все модницы, та, что Аларик подарил на последний выигрыш, — украсилась комками грязи между жемчужинами.

Барон извинился снова. И наступил опять. Каблук тоскливо хрустнул и обреченно прилег.

Вивьен посмотрела на барона. Он извинился.

Не сказав ни слова, она переметнулась к графу Браймуру, маячившему поблизости. Тот тоже извинился — за то, что он не первый.

Граф Браймур сам пригласил ее на этот бал. Правда, благодарность за приглашение обошлась дорого: пришлось разрешить называть себя по имени. А потом он раз двенадцать просил спеть «О падших рыцарях».

Мало того — граф решил, что разрешение на имя дает ему право на большее. Пальцы потянулись к ее волосам, к повязке, удерживающей локоны над ушами. Вивьен шлепнула его по руке. Граф стушевался, обиженно поджал губы и поплелся к жене — даме с лицом, способным превратить вино в уксус одним взглядом.

Баллада взволновала сердца — дамы всхлипывали, размазывая тушь по щекам, и роняли слезы в бокалы. Вивьен улыбалась, кланялась, а сама краем глаза, как охотница, выследила дичь. Хозяйку бала. И так крепко обняла ее на прощание, что бриллиантовая брошь сама соскользнула в широкий подол ее платья.

Убедившись, что брошь надежно спрятана, Вивьен направилась к выходу — и замерла.

Высокий черноволосый аристократ стоял спиной. В отличие от большинства лордов, его волосы были коротко подстрижены. Удобно? Или плевать на моду? На нем был черный кафтан, расшитый серебром. Дорого, но не кичливо. На безымянном пальце наметанный глаз подметил изумрудный перстень. А на плече — вычурный герб: темно-алый щит с черной розой, шипы которой обвивали серебряный кинжал.

Дорвен.

Он небрежно вручал расписку Киттенсу. Вивьен посмотрела на атласную туфельку и улыбнулась — паскудной улыбочкой. Ответный удар был очевиден: барон оплатит новую пару. Без своего ведома.

— Ах! — Вивьен всплеснула руками, и веер, описав не самую изящную дугу, шлепнулся на пол. — Как неловко!

Барон, пунцовый от смущения, принялся поднимать. Извинялся, трясся, потел.

Рука Вивьен метнулась к столу, нашла расписку — она уже знала, где та лежит. Бумага исчезла в складках лазурного платья.

Барон выпрямился, протянул веер, глянул на стол и застыл.

— Миледи... простите... вы не видели бумажку? Расписку?

— Записку? — Вивьен потянулась к нитям магии. — Любовную?

Она улыбнулась — чуть кривовато. Барон вспыхнул багряным, как закат.

— Ах вы проказник, милорд! — шагнув ближе, она наклонилась к его уху. — Если хотели мне в чем-то признаться, — голос обволакивал, как теплый мед, — могли бы и просто сказать.

Барон засмущался, заулыбался, хихикнул, прикрыв рот потной ладошкой, раскраснелся. Забормотал что-то невнятное, словно одурманенный.

Вивьен отпустила нити.

«Как славно вышло! И как люди выживают без чар?»

Она быстро огляделась: нет ли стражников, не заметил ли кто? Разрешений на магию у нее не было и быть не могло: таким, как она, в Лиге запрещалось колдовать под страхом немедленной казни.

Магии ее никто не учил. Мать лишь показала, как чувствовать нити, как направлять их. Дальше — сама. Очарование — дело нехитрое: чуть подтолкнуть эмоцию, чуть усилить симпатию.

«Граф Браймур до сих пор не понял, что был очарован, когда дарил кольцо, — усмехнулась Вивьен. — Этот тоже не поймет».

Вечер удался даже лучше, чем она смела надеяться. Вивьен скользнула к выходу. Едва переступила порог бального зала и погрузилась в полумрак холла, к ее шее прижалась сталь. Чье-то дыхание обожгло затылок.

— Еще шаг — и я перережу вам глотку, — раздался спокойный, почти скучающий баритон.

Девушка застыла. Незнакомец медленно убрал кинжал, но по-прежнему крепко держал ее. Дрожа, она обернулась.

Тот самый Дорвен.

Художник явно ему не льстил — в жизни он был даже прекраснее. Высокие скулы, нос с едва заметной горбинкой, губы, которые хотелось разглядывать дольше, чем позволяли приличия. Глубокие глаза, где малахит переплавился с изумрудом, ярко выделялись на южной бронзе кожи. Статный, широкоплечий, он возвышался над ней на целую голову. И хватка у него была такая, что не вырвешься, даже если очень захотеть.

— Милорд, я просто... уронила веер! — Прижав руки к груди и сделав глаза невинными блюдцами, она снова потянулась к нитям магии, как тянутся к дверной ручке в знакомой комнате.

Он медленно отпустил ее и отступил на шаг. Пристально глядя в глаза, рассмеялся.

— Вы — леди Вивьен де Ленор. — Он говорил лениво, смакуя каждое слово. — Певица. Воровка драгоценностей. Художница-портретистка. И, как выяснилось, карманница с отличной реакцией.

Вивьен застыла. Бежать? Поздно. Он слишком близко. Врать? Бессмысленно — он все знает.

— Вы с кем-то путаете меня, милорд.

Смутить его? Заставить растеряться? Мужчины не любят, когда их ловят на глупости. Если он хоть чуть-чуть засомневается...

— Совсем неудивительно, правда! — защебетала она. — Вы такой важный герцог, у вас столько забот...

Голос обволакивал, оплетал его разум.

— Не беспокойтесь. — Его губы тронула полуулыбка. — Для вас я всегда смогу найти время.

Нити не вплетались в его сознание — рассыпались, как плохо связанная пряжа с веретена.

«Что за черт?» — содрогнулась Вивьен. — Почему он мне не подвластен?»

Ничего хорошего разговор не сулил. Хотя убивать ее он, похоже, не собирался. Что ж, если магия бессильна, стоило пустить в ход иное оружие — собственное обаяние. С самодовольными аристократами этого обычно хватало.

— Я лишь хотела сказать, что вы ошиблись, милорд. — Она медленно подняла на него большие миндалевидные глаза, позволив взгляду задержаться. — Никакая я не воровка. Разве ж это вина простой девушки, если знатные мужья так щедры?

Она невинно улыбнулась, как ребенок, который только что стащил пирожок. Он рассмеялся — вроде бы искренне — а потом протянул ей руку.

— Зендар Дорвен. Позвольте пригласить вас на танец? — В его голосе мелькнула опасная хрипотца. — Я настаиваю.

Из придворных сплетен о Зендаре Дорвене Вивьен могла составить трактат. Жаль только — все авторы противоречили друг другу.

Молодой правитель Идрании.

Для одних — повеса, прожигающий жизнь в пирах и чужих постелях. Поговаривали, он спит с любовницей кардинала — и тому это даже нравится.

Для других — жестокий правитель, скупивший долги Совета Хранителей и держащий их за горло.

Для третьих — лучшая партия королевства. Дамы шептались, что он вот-вот остепенится и выберет невесту. В это Вивьен не верила совсем.

А кое-кто говорил другое: Зендар — самый безжалостный из Дорвенов. В пятнадцать убил человека на дуэли. И вырезал ему глаза.

Честно говоря, хорошего о нем она не слышала ничего. Но почему-то это заставляло разглядывать его пристальнее. Каждый инстинкт кричал, что от него нужно бежать. И все же, знакомство с одним из самых влиятельных герцогов королевства интриговало.

Она одарила его одной из своих самых выверенных улыбок — той, что разбивала сердца закоренелых холостяков. И, подавив внутренний протест, взяла его за руку.

В бальном зале все так же кружились пары, звуки оркестра почти заглушали оживленные голоса. Герцог выставил ладонь вперед, и она подняла свою навстречу. Их разделяли какие-то пара сантиметров, но от его ладони исходило почти осязаемое тепло — она едва сдержалась, чтобы не преодолеть дразнящую дистанцию и прикоснуться.

«Угораздило же его родиться с таким лицом. С ним даже угрозы звучат заманчиво».

Первые минуты танца прошли в тишине. Вивьен смотрела куда угодно — только не на него, опасаясь начать разговор. Герцог молчал. Это раздражало.

— Неужели для танца с вами всем дамам приходится проходить через такое испытание? — Вивьен первой прервала тишину. — Полагаю, у вас мало желающих.

Герцог усмехнулся — краем рта, нехотя.

— Если светские беседы вам не по нраву, скажите прямо. Зачем вы меня караулили? Угрожали мне и до вас — но я предпочитаю клинкам слова.

— Я знаю о вас почти все. Вы обвели вокруг пальца немало аристократов. — Он сделал паузу. — И знаете, я даже одобряю. Большинство не заслуживают и медяка. Пусть уж золото течет в нужные карманы.

— А сами вы не из позолоченной верхушки? — Вивьен вскинула подбородок. — Или ваши корабли в Пятиморье везут только букеты орхидей? Я тоже кое-что слышала, герцог.

В его глазах мелькнуло удивление пополам с интересом — как у кошки, обнаружившей, что мышь может дать сдачи.

— Можете попробовать стащить и мои сокровища, если получится, — в тоне сквозила насмешка.

— Осторожно, ваша светлость, это звучит почти как вызов.

— Вы ловко втерлись в доверие к фон Эверсбергу. Аларик и не догадывается, с кем делит постель. Что, если он узнает, что его юная аристократка соблазняет богатых стариков ради безделушек?

— Это все ваши угрозы, герцог? — Вивьен заставила свой голос прозвучать насмешливо, хотя внутри все сжалось. — Как-то слабовато. Долго репетировали?

Зендар Дорвен моргнул. На секунду — всего на секунду — его лицо потеряло надменность.

— Исчезнет Аларик — так желающих очередь. Хотите предложить себя на его место — вставайте в конец.

Герцог рассмеялся, запрокинув голову. Кудри упали с его лица назад, открывая высокий лоб.

— Вы невероятны. — Отсмеявшись, он сдул вновь упавшие на лоб волосы с лица. — Как вы вообще пролезли в высший свет? Вашего имени нет ни в одном приличном альманахе. Но все в восторге тащат вам золото, как горцы драконам. В чем секрет?

— Вы переоцениваете мою хитрость, — пожала плечами Вивьен. — Им просто скучно. Надоели недовольные жены, любовницы приелись. А я — глоток новизны. Пою сладким голоском, лепечу глупости. Я даю им иллюзию. Им это нужно. А мне — побрякушки.

— Иллюзию чего?

— Того, что они интересны кому-то. — Вивьен заглянула ему в глаза. — Что они еще могут нравиться.

— Какое тонкое понимание человеческой природы, я впечатлен.

Зендар замолчал и вгляделся в нее.

— А мне кажется, вы выбираете жертв не случайно. Вы бунтуете против условностей. — Взгляд скользнул по узорам на ее руке. — Ваши жертвы — те, кто наживается на бедняках. Поэтому моя расписка вас заинтересовала. А брошь графини вы стащили потому, что ее муж — королевский казначей. Я прав?

— Вы строите грандиозные теории, герцог, а все гораздо проще: я ворую то, что плохо лежит. А у графини все лежало очень уж плохо.

Герцог рассматривал ее с любопытной насмешкой, от которой хотелось провалиться сквозь землю или дать ему в глаз. Вивьен бы выбрала второе, если бы хватало сил.

Он знал достаточно, чтобы к утру она оказалась в сыром подzemелье городской тюрьмы. Его не брала магия, он не покупался на лесть, бежать тоже было некуда.

«Да и зачем?»

Он явно богаче Аларика. Влиятельнее. Умнее. Он явно догадывался, кто она и, кажется, не осуждал. Почему бы не обратить это в свою пользу? Более могущественного покровителя в Велархейме все равно не найти.

— По закону я обязан сдать вас властям. — Его взгляд уперся в нее, пригвоздив к полу. — Но законы так часто слепы к талантам, которых у вас немало.

— С этого нужно было начинать. — Губы растянулись в улыбке. — К чему пустые угрозы? Позвольте угадать: хотите, чтоб я скрашивала ваши вечера?

— Вы всегда так прямолинейны? — покачал головой герцог. — Южане не платят за женщин. Тем более желающих хватает и бесплатно.

— Неужели? — Она наклонила голову чуть вбок. — Тогда извольте выслушать мое предложение. Вы станете моим покровителем — не в том смысле, как вы могли подумать. Я буду под защитой вашего дома. Взамен — буду на вас работать.

Герцог удивленно вскинул бровь.

— Я что, мог не готовить речь? — Он театрально прижал руку к сердцу. — Столько трудов — и все зря?

Вивьен не отреагировала на шутку, и герцог тут же посерьезнел.

— Впрочем, раз уж вы и сами хотите, давайте решим так: в одном деле вы мне точно пригодитесь. Дальше — как пойдет.

— Что за дело?

— Украсть кое-что.

В животе свернулся колючий клубок разочарования. Она и сама не знала, на что надеялась — но точно не на это. Чтобы он попросил последить за какой-нибудь графиней? Насоби-рать сплетен? Воровство не приблизит ее к кругу герцога — так, дельце на один раз. К тому же, он мог купить полкоролевства — не сережки же с бирюзой ему нужны. Внутри завозился противный, скользкий голосок: «Влезешь в это — будет плохо, очень плохо». Почему эти сво-лочные предчувствия такие однобокие? А если сбежать сейчас — станет лучше? Может, с гер-цогом хотя бы весело будет?

— Хорошо, — объявила она, велев голоску заткнуться. — У меня есть условия.

— Не думаю, что вы в праве их диктовать...

— Первое: никаких убийств, — перебила Вивьен. — Не люблю вид крови.

— Не волнуйтесь. — Он чуть улыбнулся. — Для этого у меня есть другие люди. И, разу-меется, я не ожидаю, что вы станете работать из благотворительности. Плачу щедро. Это ведь второе?

— Было бы третье. Но раз уж вы начали: сколько?

— Люблю, когда люди знают себе цену. Но детали — позже. Это все?

— Нет. — Вивьен приосанилась и стала серьезной. — Если я работаю на вас — никакого шантажа. Я не рабыня, которую держат за горло. Я свободный человек.

— Вы называете это свободой? Вы добровольно заперлись в клетке фон Эверсберга. Украшаете его гостиную за жалкие подачки. Чем вы лучше девки из борделя? И там, и там — тело за кров и обед.

— Разница есть, — огрызнулась Вивьен. — Мою клетку я могу покинуть. Сама. Когда захочу. У рабов в ваших изумрудных шахтах такого выбора нет.

— Уверены?

«Нет. Но если бы вы меня защитили...» — подумала она.

— Мы договорились или нет? — спросила вслух.

— Допустим. — Его губы изогнулись в улыбке, от которой хотелось бежать. — Однако условие есть и у меня: об этом не должен знать никто. Слово посторонним — и мои люди вас найдут.

— Все-таки вы решительно не разбираетесь в людях, герцог, — ухмыльнулась девушка.
— Мне нет резона болтать.

— Тогда завтра в «Морском волке». Там и обсудим детали.

— Идет, — кивнула Вивьен.

Они кружились в свили — быстром парном танце, любимом знатью Лиги. Вивьен обычно терпеть его не могла — и все придворные танцы заодно. В другое время она бы считала минуты до конца, взывая к богам, чтобы очередной увалень не отдал ног. Сейчас же, впервые за эти два месяца в Верхнем городе, ей было по-настоящему интересно. Даже жаль, что герцог не ищет ее внимания.

«Нельзя себя выдать, — приказала она себе. — Мама всему научила. Да, давно. Ну и что? Куда там эту ногу...»

— Объясните мне одну вещь, — тихо сказал герцог. — Зачем вам расписка барона? Неужели фон Эверсберг так скуп?

— О, нет, Аларик вполне щедр, ваша светлость. Просто этот Киттенс оттоптал мне ноги так, будто давил виноград. Я лишь возместила ущерб. За новую пару туфель кто-то должен заплатить!

— Какая выдающаяся расчетливость, — Зендар усмехнулся. — Хотя у меня создалось впечатление, что это вы методично топтали его ноги.

— Ах, вы считаете меня плохой танцовщицей? — Она сверкнула глазами — цвета штормового неба. — Хотите научить?

— Если это поможет делу, могу нанять учителя.

— Теперь ваша очередь: откуда вы столько знаете? Я была весьма осторожна.

— О, вы были вполне незаметны — для тех, кто смотрит сквозь пальцы. — Он чуть наклонил голову. — Но моим пташкам ничего не закрывает обзор.

— Пташки? — Вивьен прищурилась. — Четвертое условие, герцог: пташек нужно отозвать. Не хочу, чтобы за мной следили.

— Нравится же вам диктовать правила.

Глава 2. На птичьих правах

Трактир «Морской Волк» жался к окраине Среднего города — там, где заканчивались мастерские и торговые ряды, а воздух начинал отдавать гнилью со стороны сточной канавы, за которой лежал Нижний город. Знать сюда не заглядывала — высокородные господа сторонились скоплений черни.

Зендар Дорвен ждал ее в неброском темно-зеленом плаще. Он узнал ее с первого взгляда по длинным пепельным локонам, выбивавшимся из-под капюшона. От блеска бального наряда не осталось и следа. Простая льняная рубаша, кожаные штаны в обтяжку — наряд, от которого у почтенных столичных матрон случилось бы недельное несварение. Черный плащ поверх хоть как-то спасал положение.

В трактире стоял гул: купцы потрезвее спорили о ценах на товары и грабительских процентах по кредитам; подвыпившие норовили ущипнуть за ягодицы девушек, разносящих пиво и вонючие закуски из квашеной капусты. Несколько черноволосых мужчин молча сидели в углу, словно на поминках.

Даже в неприметном плаще Зендар выглядел слишком аристократично для этой дыры, как кедр среди кустарника. Вивьен мгновенно узнала его за столом, всюду заляпанным липкими пятнами. Но тут же внимание перехватила другая фигура — одинокая девушка в дальнем углу.

Глубокий черный капюшон скрывал большую часть ее лица. Лишь приглядевшись, Вивьен заметила витиеватые черные узоры, сползавшие от острого подбородка по шее. Девушка сняла перчатку — и Вивьен поняла, что скрывали чернила: цвет кожи, серебристо-синий.

«Дрейлит?! Здесь? В Среднем городе?!» — она мотнула головой, проверяя, не померещилось ли.

Темные эльфы редко встречались даже в Нижнем городе, где отродясь никто не разбирал, кто есть кто. А уж здесь — и подавно. После Великой войны их загнали в подземелья, в Нифру. Вивьен не помнила за что — то ли за предательство Долин, то ли за службу забытым богам. Знала лишь, что на поверхности их не жаловали: жить и работать они не могли даже в слободе для нелюдей. Горожане сплевывали им вслед и звали стражу. Ими пугали непослушных детей. Мать говорила: «Веди себя хорошо, а то дрейлит ночью заберет!»

Но вот одна из них сидела здесь, в людном трактире, с невозмутимым видом разделявая жареную перепелку на облупленном подносе.

— Миледи. — Герцог медленно окинул ее взглядом с ног до головы. — Выглядите изумительно. Если позволите заметить очевидное.

— Ваша светлость, — она игриво склонила голову. — Ваша репутация и впрямь вас опережает! Вы в этом трактире не больше минуты, а уже раздаете комплименты.

— Репутация? — Он задумчиво постучал пальцами по столешнице. — Тогда, пожалуй, мне стоило войти с парой отрубленных голов на вертеле.

— Смешно. — Вивьен присела за столик, не скидывая капюшона. — Давайте без увертюр. Что будем воровать? Золото? Камни? Магический приборчик?

— Сначала ответьте: вы знакомы с Эсбольшом?

Вивьен знала графа. Грузный северянин с проседью в аккуратно подстриженных бакенбардах и раскатистым смехом.

— Один из самых больших кошельков Тарна. Любит театры, — перечисляла она, загибая пальцы. — Если там не слишком умно. Цирк — особенно с медведями. В столице его можно встретить в «Сияющей ложке» или «Дивном саду». Любит женщин — чем моложе, тем силь-

нее. Хм... — Она сделала паузу, подняла глаза к потолку и почесала подбородок. — Обожают эльфов. Купится на любой вздор, если он достаточно «эльфийский».

— Неплохо. Что-нибудь еще?

— А что еще? — Вивьен усмехнулась. — Наверняка вы это уже знали. И на руку мою вы вчера не просто так пялились. Подумали, мне кое-что про эльфов известно. Вот и решили, что у меня легко получится его обольстить.

— А вы не промах, — улыбнулся герцог. Он посмотрел по сторонам — Вивьен проследила за его взглядом. Справа пьяный моряк решил, что стул — штурвал. Слева бородатый купец лупил собеседника кружкой и орал непотребства. И все же герцог понизил голос, наклонившись ближе, чтобы она могла расслышать: — Мне нужно, чтобы вы выкрали из его тайника кое-какие письма.

— О, как интересно! И что в них? — Она поставила локти на стол, положив подбородок на ладони. — Дайте сама угадаю! Любовная переписка? Место для дуэли?

Лицо герцога оказалось почти вплотную. Его взгляд изучал ее лицо — скользил по острым скулам, мягкой линии челюсти, розовым губам. Захотелось глубже натянуть капюшон.

— Ну же! — отпрянула она. — Я должна знать о вашей таинственной вражде! Он что, оскорбил вашу даму? — Вивьен театрально ахнула, прикрыв рот ладонью, а затем округлила глаза, как у совы.

Зендар не купился.

— Если вы закончили представление, — он провел пальцем по краю кубка, — я продолжу. Мне нужны его переписки с Советом Хранителей, особенно с Мак-Кайрном, с другими лордами Рубежа, со всеми, кто мог обсуждать... Что угодно про войну с Тор-Моорном.

Советом, мать его, Хранителей.

Вивьен перестала улыбаться.

— Герцог, вы хотите, чтобы я украла... государственные тайны? — спросила она почти шепотом.

— Я хочу, чтобы вы украли письма. А что в них — не ваше дело.

— Мое. — Она прикусила губу. — За это отрубают голову.

— За воровство драгоценностей — тоже. Но вам же это не мешает?

— Тоже мне сравнили. Красть камни — одно. Их не каждый лорд заметит. А это... Зачем вам вообще сдался Эсбольд?

— Представьте: вы граф, у которого люди мрут с голоду. Что будете делать?

— Куплю зерно. Выращу, в конце концов. Вы думаете, я не знаю, что такое голод, ваша светлость? Когда заканчивается зерно, в ход идут крысы.

— Допустим. А если земля мерзлая? Если не у кого купить? Крысы в Тарне кончились месяцы назад. Потом в ход пошли кошки. Потом — те, кто ел кошек. Люди бегут в леса — там их отстреливают эльфы. Или в Люмерию и Таларру — в надежде прокормиться морем — и умирают на Королевском тракте в пути. — Он медленно отпил из кубка, чуть сморщившись. — Что тогда?

— Украду у соседа, — буркнула Вивьен.

— А заодно захвачу его шахты и награблю золота — порадую солдат. Вы рассуждаете прямо как наш король.

Зендар откинулся на спинку стула.

— А у вас есть другие идеи?

— Есть. — Он улыбнулся. — И, я уверен, они есть и у Эсбольда.

Вивьен задумалась, скрестив руки на груди.

— Если голодают все лорды Рубежа... может, начать с элбреннских? У них еще есть силы на... идеи. В Тарне уже мрут, а у Элбрэнна...

— Чем отчаяннее положение, тем отчаяннее действия, — Зендар не дал ей договорить. — Тем более Эсбольд — единственный, кто бросил своих и жирует в столице. Вас смущает что-то конкретное?

«Зараза! Догадывается».

— Нет-нет, что вы. Просто ваша логика кажется... неразумной. — Она схватила кубок и отхлебнула, чтобы скрыть волнение. — Я пока вообще не понимаю, почему вас волнует какой-то север. Ваши земли так далеко. Вам-то что?

— А вы не допускаете, что я просто не хочу смертей? Горцев, крестьян... какая разница? Вивьен рассмеялась.

— Поверьте, ваша светлость. Я не первый день живу на этом свете. Так не бывает. Если человек предлагает помощь бескорыстно — от него нужно бежать. Расплачиваться будут даже внуки.

Она впиалась взглядом в его лицо, пытаясь прочесть хоть что-то. Но герцог не выдавал ни одной эмоции, и она, поймав себя на том, что просто глазееет на него — как сотни влюбленных девиц, — принялась рассматривать рукав своего плаща.

— Что вы сделаете с письмами? Горцам продадите? Северянам насолите? Явно же у вас есть какая-то цель.

Губы ее дрогнули в полуулыбке, когда она поняла, как ловко сменила тему. Взгляд упал на кубок в ее руках. Вот дерьмо! Она пила вино Зендара Дорвена.

— Боюсь, вас это не касается, — лениво, почти скучающе протянул герцог. — А вы продолжайте, — он кивнул на кубок, — не стесняйтесь.

— Вы издеваетесь?! — воскликнула она и с нарочитой брезгливостью отодвинула вино, вытирая рот рукавом.

— Постоянно. — Он улыбнулся той самой улыбкой, за которую его хотелось ударить, и махнул рукой слуге.

— Стоило ожидать. Но так не пойдет. Я должна знать хотя бы примерно, во что ввязываюсь.

— Справедливо, — кивнул Зендар. — Но пока вам придется довольствоваться догадками. Поверьте, знать вам это ни к чему.

— Это мне решать. — Она подалась вперед, опершись локтями о стол. Ресницы опустились — театрально, но красиво. — Скажите лучше вот что: почему я? Ваши наемники столь немощны? В казне Дорвенов не хватает на умелые руки?

— Мне казалось, вы — умная женщина, леди де Ленор. Как сами думаете?

— Вы думаете: я северянка, никак с вами не связана. Если поймают — вас не заподозрят. Так наивно. А если я шпионка? Если продам ваши планы тому, кто заплатит больше?

Она говорила быстро, с напором, и сама не заметила, как начала нервно наматывать локон на палец.

— Знаете, когда вы волнуетесь, — Зендар понизил голос до шепота, в котором проступила почти томная хрипотца, — вы начинаете наигранно хлопать глазками и много болтать. Это забавно.

Он расплылся в улыбке, от которой у придворных дам подкашивались колени. Вивьен сглотнула.

— А вы очень хитро уходите от ответа.

— У вас есть еще одна забавная черта. Вы все время забываете, кто кого поймал. — Зендар пожал плечами. — Мы всегда можем вернуться к шантажу.

— Попробуйте — тогда птичка напоет Эсбольду о том, что вы от меня требовали.

— Поверьте, птичка даже клюв открыть не успеет. Догадываетесь, куда мои люди запихнут ее крылышки?

Вивьен обиженно скрестила руки на груди. Трактирщик поставил перед ней кружку эля. Кивая ему, она краем глаза заметила ту самую дрейлитку — та пристально наблюдала за их столом, лениво вращая ножом.

«Вот бы ее целью был этот герцог — ограбить и убить. Он невыносим!»

Она схватила кружку и залпом осушила добрую половину, словно с утра в стране навеки переведутся запасы хмеля. Герцог рассмеялся.

— Я возьмусь за дело, — с деланной серьезностью заявила Вивьен. — Но вы должны мне все рассказать. Это будет честно, не находите?

— Не нахожу. — Зендар криво улыбался. — Но так и быть, дам совет: не вскрывайте письма. И не попадайтесь. Особенно сыну графа — Лукас фанатично предан отцу.

— Невероятно полезно. Вы что, в академии искусство ограблений изучали? Вам бы уроки давать, — бросила она. — Но вам придется поспособствовать. Завтра к десяти утра загляните к Эреборгу. Лавка «Серебряные струны» — за храмом Сериссы. Можете заодно вознести молитву о моей удаче, если верите в богов. Эреборг — мой знакомый бард. У него есть лютня — редкая, стоит как королевский погреб. Он будет рассказывать байки про древо из волшебных роц Илиндора, но это брехня — не стесняйтесь поторговаться. Эльфы бы ему зад надрали, сруби он их священные деревья. Еще мне потребуются три с половиной тысячи золотых авансом — на инструменты. Отправьте посыльного в «Розовый павлин». Справитесь?

— Это все? — на его губах заиграла привычная насмешка.

— Как бы не так! Раздобудьте мне приглашение на бал к Вейнам. Я с ними не знакома, сами не пригласят. А если добуду сама, придется весь вечер оттапывать ноги какому-нибудь лорду — это отвлечет.

— Что ж, разумно. Один вопрос: зачем вам редкая лютня?

— У меня есть план. Раз вы отказываетесь отвечать на мои вопросы, у меня тоже найдутся секреты.

— Почему бы вам не купить ее самой?

— Эреборг меня на порог не пустит. Даже если вы пригрозите выкрутить ему яйца.

Герцог аж поперхнулся.

— И с чего такой прием?

— Мы подрались за гусли.

Зендар Дорвен торчал в карете у витрины «Розового павлина» уже битых полчаса. В плаще с капюшоном, с лицом, не предвещающим ничего хорошего, он походил на грозное облако, которое какой-то шутник запер в экипаже. За это время он рассмотрел всех проституток у соседнего «Дивного сада» и всех глупцов, готовых выложить за них состояние.

За стеклом, среди муаровых лент и атласных коробок, Вивьен примеряла третье платье. Герцог щелкал крышкой часов и закипал.

Наконец она выплыла из салона. Кучер, кланяясь чуть ли не до земли, проводил ее до кареты. Вивьен скользнула внутрь, устроилась на сиденье и лишь тогда мельком удивилась, увидев герцога.

— Эллен — кудесница! — объявила она, поправляя рукав. — Если встретите люмерцев, снимите шляпу. Не продай они ту эльфийку в «Дивный сад», кто знает, где бы Эллен набралась таких фасонов. А это, — она повела плечом, — главный фетиш нашего графа.

Платье цвета лунной пыли облегалo каждый изгиб ее стройного тела, переливаясь при каждом движении.

— Это... поразительно сочетается с вашими глазами, — вырвалось у герцога прежде, чем разум наложил вето.

Вивьен моргнула, потом улыбнулась — медленно, коварно.

— Благодарю, ваша светлость. А вы сегодня... — Она окинула его взглядом. — В капюшоне снова смахиваете на убийцу. Даже страшнее синей девицы из трактира.

Зендар сделал вид, что не расслышал.

— Вот то, что вы просили. — Он протянул туго набитый кошель. — Не желаете пересчитать?

— Нет.

— Неужели доверяете?

— О, не мечтайте. — Она посмотрела на него так, словно только что обыграла в карты.

— Просто если там окажется больше, я не стану возвращать излишки.

Зендар хохотнул.

— Почему вы здесь? Я думала, пришлете посыльного. Разве для такого не держат гонцов?

— Держат, — пожал плечами Зендар. — Но те, кому я доверяю, слишком приметны в Верхнем городе.

— Я что, не первая сомнительная личность, которую вы наняли? — Она склонила голову. — А я-то думала, я особенная.

— Вы точно самая болтливая.

Он вынул из-под сиденья лакированный ящик из темного дуба. Щелкнул замочек — и крышка откинулась.

Вивьен даже забыла вдохнуть.

На черном бархате лежала лютня. Посеребренное дерево искрилось, струны ловили свет. Казалось, инструмент светился сам.

— Она... великолепна.

Зендар усмехнулся, глядя на нее. Она нахмурилась. Этот его взгляд — надменный, насмешливый, изучающий — раздражал, как скрип несмазанной петли.

— На этом все. — Она со щелчком захлопнула крышку и пристроила ящик подмышку. — До встречи в «Сопящей сове».

Она потянулась к дверце, но он резко подался вперед, заслоняя ручку.

— Не так быстро. — Между ними осталось лишь несколько сантиметров. — Неужели не посвятите меня в ваши замыслы?

— Ваша светлость, разве карты вскрывают до игры? — Зендар пах так приятно, что она невольно захотела, чтобы он оказался еще ближе, и разозлилась на себя за эту мысль. — Мне нужно спешить. Не то нас увидят!

— Что это будет? — он не отодвинулся. — Ловкость рук? Или у вас есть другие таланты?

— Какой вы настойчивый! — Она раздраженно дернула плечом и отодвинулась сама. — Ладно, вы же не отстанете. — Выдохнув, она собралась с мыслями. — Я дам графу то, о чем он мечтает — иллюзию собственной значимости. Он мнит себя знатоком эльфов? Превосходно. Покажу лютню, попрошу помочь с рунами. Он блеснет знаниями, почувствует себя нужным...

Она запнулась, но быстро нашлась:

— А потом — визит в особняк, пара баллад. Очарую его. Останется найти тайник. Повезет — вскрою сразу. Нет — вернусь с отмычкой.

Ее распирало от восхищения собственной изобретательностью. Герцог чувства не разделял.

— В вашем плане столько дыр, что через них проедет карета.

— Почему это?

— Очаровать Эсбольда — допустим. А если он заподозрит? Такие письма не лежат под подушкой. Замок наверняка непрост. Вы недооцениваете, с кем связываетесь.

— Ваша светлость беспокоится обо мне? Я тронута! — Вивьен фальшиво смахнула слезу. — А вы недооцениваете мои умения. Вскрыть тайник для меня не сложнее, чем снять брошь с графини д'Эстель. А та, между прочим, без охраны ни шагу.

— Напоминаю: я поймал вас на месте преступления.

На самом же деле Вивьен надеялась на глупость Эсбольда — старые графы обычно забывчивы. Может, конверты пылятся в ящике стола? Даже цапки редкие аристократы прячут в тайники. С другой стороны, может, и пара зелий пригодится.

Зендар задумчиво теребил цепь часов, потом перевел взгляд на лютню.

— На ней нет рун.

— Это пока, — бросила она через плечо и вышла из кареты. В глазах герцога пробежала еле заметная искорка любопытства.

В Нижнем городе царил вечный полумрак — солнце брезговало этими трущобными лабиринтами. Вивьен, закутанная в длинный плащ с двумя вышитыми нотками на рукаве, шла по узким улочкам, которые никто не удосужился замостить, и морщилась от вони. Воздух сперся от смрада нечистот, дешевого угля и прогорклого масла. Порывы ветра приносили тошнотворно-сладковатый запах горелого мяса — в канавах догорали трупы. Чума выкашивала целые кварталы.

Единственная масляная лампа на столбе, чадившая, как больное легкое, погасла. Вивьен двинулась наугад, обогнула поблескивающую лужу, перепрыгнула через храпящего пьяницу, распластанного на дороге, как выброшенный морем труп. У канавы копошились попрошайки — бледные, как призраки, дети с пустыми глазами. Вивьен, не останавливаясь, швырнула им горсть медяков и ускорила шаг. Светить деньгами здесь было смерти подобно — даже стража обходила эти места стороной.

Позади послышалось ругательство. Обернувшись, Вивьен увидела мужчину: он споткнулся о мусорную кучу и в ярости стряхивал с плаща грязь. На рукаве фосфоресцировали две белые нотки — как у нее.

«Как не вовремя! У меня ни денег, ни сведений!»

Она рванула с места. Спотыкаясь, наступила на что-то мягкое — из-под сапога вывернулась дохлая крыса, и ее тут же утащила голодная собака. Вивьен прислонилась к стене — ладонь прилипла к засохшей слизи.

Спустившись к порту, она затерялась на грязной набережной, где запах тухлой рыбы смешался с дешевыми духами портовых шлюх, пока впереди не вырос двухэтажный каменный дом. Здание было приличным — стены не грозили рухнуть на голову, но, как и везде, были испещрены похабными рисунками. Свежая вывеска «Объятия Вестары» красноречиво иллюстрировала род деятельности заведения.

«Грудки почти как настоящие. Художница постаралась».

Это был самый респектабельный бордель в Нижнем городе. Расположение у порта оказалось гениальным: моряки, изголодавшиеся по ласке, не скупились на монеты.

На обшарпанной ступеньке съезжилась беззубая куртизанка. Грязные волосы сбились на лице в липкие пряди, но не могли скрыть главного — огромного фиолетового фингала, к которому она прижимала мокрую тряпку.

— От клиента досталось? — тихо спросила Вивьен.

— Ага. — Сиплый голос прозвучал устало. — Какой-то служивый, в латах, с гребнем на башке. Пьяный в стельку. Ну, приступили мы, а его бес под руку толкнул. Как давай молотить, орет, мол: «Щиты стеной, сука, строй держать!» — вот и вlepил. Хозяйка его, ясно дело, вытурила, только кто меня трахать теперь будет с такой-то рожей?

Она сжала губы, взгляд утонул в потрескавшейся штукатурке.

— Сочувствую. — Вивьен помолчала. — Илвэниэль здесь?

— Здесь, только при деле. Богатый приперся, купец, что ли. Ты проходи, подожди в гостевой.

На потертых диванах, словно брошенные куклы, разметались скучающие куртизанки. Для вечернего наплыва было рано. Вивьен нашла кресло в углу, сняла чехол и достала лютню. Первые аккорды, робкие, ощупывали тишину — потом полилась печальная мелодия.

— Какие люди! — раздался звонкий, хорошо знакомый голос.

Вивьен подняла глаза и улыбнулась. К ней, лавируя между столиками, спешила невысокая гибкая эльфийка с длинными золотыми волосами, перехваченными кожаной полоской. Руки от запястий до локтей были покрыты эльфийской вязью — птицы, цветы, причудливые листья — в той же манере, что у Вивьен, только посиневшие от старости.

— Ильва! — Вивьен сорвалась с места и обняла подругу.

— Ну, рассказывай! — Ильва рассмеялась, вглядываясь в ее лицо большими глазами цвета молодой травы — такой оттенок был присущ только долинным эльфам. — Как поживает твой благородный маркиз? Все на руках носит или нового захомотала?

— Граф, — поправила Вивьен. — Носит, пылинки сдувает.

— Эх, помню, как тебя впервые привели ко мне — вся тряслась, не знала, с какого боку к мужику подойти. А теперь вон — графов вокруг пальца обводишь.

— Да куда уж там. Не знает он ни хрена, Ильва. Еще и уезжает. Не знаю пока, что с этим делать. Но сплетни подождут, у меня дело срочное.

— А я-то думала, ты по дружбе зашла. — Ильва надула губы, но в уголках глаз пробежала паутинка морщинок. — Ладно, вываливай, зачем пришла?

— Твоя работа там, на улице? — Вивьен кивнула на дверь.

— С натуры рисовала, можно сказать. — Ильва усмехнулась.

— Мне бы твои умения. — Вивьен протянула лютню. — Смотри: нужно украсить ее эльфийскими рунами. Так, чтоб дышало древностью — словно это подлинный артефакт. Пролежал в руинах Аэндории, скажем, пару тысячелетий.

Ильва осторожно взяла лютню, повертела в руках, щелкнула по струне.

— Хорошее дерево. Тысячу лет простоит, если не сожгут. И сколько такая диковинка стоит?

— Столько, сколько у меня отродясь не водилось, — подмигнула Вивьен.

— Боги, ты что опять задумала?

— Не могу говорить... но, возможно, это именно то, что мне нужно.

«Или за что меня повесят».

— Это как-то поможет узнать, как проникнуть... в банк? — небрежно спросила Ильва, прокручивая в руках лютню.

— Вряд ли. Но что, если мне и не придется ничего узнавать? Может, у меня вообще новая жизнь будет. Где-нибудь на юге.

— В Идрании? — Ильва скривилась. — Слышала, они лошадям спины ломают, чтоб горбы росли. Во-о-т такие. Тюки потом на них вешают. Ох, надеюсь, ты не зря рискуешь. Ты хоть понимаешь, что сделает Квилл, если узнает?

Вивьен шикнула.

— Не узнает.

— Ладно уж. — Ильва глянула в потолок, потерла шею. В районе кадыка у нее было выжжено треугольное клеймо — сейчас рабов уже не клеймили, но даже сама Ильва не знала, сколько времени пробыла в борделе. — До вечера управлюсь, благоволи Серисса. Пока клиентов нет, успею. Но краски на этом лаке могут не взяться...

— Ты просто чудо! — Вивьен расплылась в улыбке.

— Не благодари раньше времени. — Ильва изучала текстуру дерева. — Я по такому никогда не работала. Угроблю — будешь рыдать.

— Не прибедняйся. — Улыбка сменилась деловым прищуром. — Слушай, а то снадобье у тебя еще осталось? Для строптивых?

— Сколько?

— Дай-ка пять флаконов. Про запас.

Ильва вздернула бровь, скрылась в подсобке и вернулась с тремя пузырьками. Прозрачная жидкость казалась чище слезы.

— Больше нет. По вечерам все нервные — зелье на вес золота.

— Хватит.

Вивьен уже собралась уходить, когда взгляд зацепился за окно. В тени между складами, замерла фигура в плаще. Незнакомка с бесстрашием жреца, возлагающего дары на алтарь, играла кинжалом, ловко перебрасывая его из руки в руку. Лезвие поблескивало в скупом свете фонаря.

Вивьен передернуло. Два бледных пятна там, где должны быть глаза, казалось, смотрели прямо на нее. Каждое движение было слишком плавным, слишком экономным, чтобы быть человеческим. Тени у ног извивались, живые и черные, как расплавленная смола.

«Дрейлитка. За мной следит?»

— Ильва... — голос сел, пришлось откашляться. — Ты знаешь ее?

Ильва подошла к окну, прищурилась.

— А, Мизрея Дар'Лунис. Наемница. Головорезка от бога, говорят. Сам Мерток, бог-убивец, ею бы гордился. — Она поморщилась. — Ее редко нанимают... дрейлиты — сама понимаешь. Половина моряков от нее шарахается.

— Наемница, говоришь...

«И на кой черт ей я? Купца какого-нибудь караулит».

— Что ты здесь делаешь? — Вивьен с недоумением смотрела на Аларика, сидевшего на ее кровати. В его руке безвольно болталась полупустая бутылка вина.

Он перевел взгляд медленно, как сытый удав. Грусть, застывшая в глазах, улетучилась. Осталась только злость.

— Я говорю — ты смотришь в пол. — Аларик поднялся и шагнул к ней. — Где ты была? И что это на тебе? — Он окинул ее одежду взглядом, словно она вылезла из сточной ямы.

— Я так рада, что ты не уехал, — слащаво протянула Вивьен, отставляя чехол с лютней в сторону как можно незаметнее. — Отец пощадил?

— Заехал поп... рошаться, — то ли икнул, то ли рыгнул граф. — Перед доро... дорогой.

«Снова пьян».

— Как жаль. — Она выдавила его любимую улыбку, стягивая сапог. — А я надеялась, побудем еще...

— Тебя не было. Я отослал кучера. Поеду завтра. — Он сощурился. — Если отец урежет деньги — ты виновата.

— Мы столько говорим, и на нас столько одежды... — Вивьен шагнула к нему, положила ладони на грудь, привстала на носочки и потянулась поцеловать.

Он отшатнулся. Сморщился, будто заходя в отхожее место.

— От тебя несет... бедностью. Где ты шлялась?

Вивьен отошла к армуару, выигрывая время — придумать убедительную ложь.

— В Средний город ходила. К сапожнику. Башмачки чинила.

— В Средний? — Он брезгливо дернул носом. — Слугу послать не могла?

— Я устала, Аларик. — Голос сел до шепота. — Давай завтра. Ложись, я позову Аннетту...

— Врешь! — рявкнул он. — Врешь!

Он схватил бутылку и швырнул в зеркало. Звон. Брызги. Вино и стекло разлетелись веером. Вивьен взвизгнула и отпрыгнула.

— Ты что?! В меня же могло!

— Я?! — взревел он. — Я даю тебе все! А ты...

Ярость схлынула так же внезапно, как и накрыла. Лицо Аларика стало чужим — спокойным, почти равнодушным. Он оглядел ее медленно. Сверху вниз. Снизу вверх. Вивьен показала, что она потеряла сантиметров десять роста.

— Я думал, ты просто берешь подарки, — сказал он тихо. — Но шляться по Среднему городу... Ты уже до купцов опустилась?

— Аларик, о чем ты? — Глаза забегали по его лицу в поисках несуществующей подделки.

— Знаешь, что я думаю? — Он навис над ней. — Ты ищешь мне замену. Чувств, что отец зажимает золото, и пристраиваешь свою нищую шкуру к тому, кто предложит больше. Для отца я плох — и для тебя, выходит, тоже?

— Это неправда! — Вивьен заморгала часто-часто, выдавливая слезы. — Я ни с кем...

— Думаешь, меня можно послушаться? — Он дернул ее за подбородок. — Ошибаешься, радость моя. У тебя ничего нет. Ты — моя. И если я не смогу тебя содержать, я сделаю так, что не сможет никто.

Говорил он почти ласково. Но лучше бы кричал.

— Одно слово — и двери Верхнего города захлопнутся. Твой портной тебя не вспомнит. Виноторговец — тоже. Не забывай — ты здесь на птичьих правах.

Он провел пальцем по ее щеке и, брезгливо стряхнув невидимую грязь, развернулся и вышел.

Вивьен подошла к разбитому зеркалу. Следов от его пальцев не осталось — только выдавленные слезы осели солью на ресницах.

— Ничего, — сказала она своему отражению. — Если с герцогом все получится...

Она коснулась зеркала и отдернула палец — порезалась.

— Сразу от тебя избавлюсь, Аларик. — Капля крови медленно стекала на ладонь. — И не только от тебя.

Глава 3. Гнилое веретено

Следующий бал давал дом Вейнов. Помпезный, как похороны короля, и такой же жизне-радостный. Герцог Дорвен постарался: сама леди Элеонора Вейн прислала приглашение «прекрасной леди де Ленор» с просьбой исполнить балладу «О преступлении и наказании». От иронии губы сами сворачивались в усмешку.

Элеонора Вейн, жена главного судьи Велархейма, стояла в центре зала в платье цвета запекшейся крови. Холодная, величественная, она принимала комплименты так же спокойно, как, вероятно, доклады о том, сколько голов упало сегодня на Черной площади.

Весь город знал: казни для нее — не просто работа мужа, а любимое развлечение. Она приглашала фокусников, дрессированных медведей, привезенных из Элбрэнна, и превращала смерть в спектакль.

Вивьен скользнула в приемный зал — и ее накрыло смехом. Режущий, металлический, колючий — он отражался от позолоченных потолков, заставляя вибрировать хрустальные подвески люстр. Смех хозяйки.

— А на казнях самых отъявленных негодяев будут фейерверки! — пронеслось над толпой, и свита мгновенно ответила ей гогочущим, лающим хором — как хорошо обученная стая.

Платье Вивьен было громче любого оркестра. Головы оборачивались одна за другой — волна прокатилась от дверей до противоположной стены.

Граф Браймур замер с открытым ртом, забыв дожевать канапе, под убийственным взглядом супруги. Юный лорд Равенкур побледнел и, казалось, забыл, как дышать. Барон Вальден, старый развратник, одобрительно крикнул и принялся насвистывать что-то скабрезное.

Сквозь калейдоскопное мельтешение парчи и плюмажей Вивьен высмотрела цель — Каэла Эсбольда, чьи безупречно уложенные, сидящие бакенбарды лоснились от сандалового масла.

— Лорд Эсбольд, — окликнула Вивьен, в голосе повисла ленивая, манящая пауза. — Какая удача! Я мечтала встретить именно вас!

Она подошла так мягко, что поступь ее была беззвучна, а складки платья колыхались, словно в замедленном танце.

— Леди де Ленор! — Он прижал руку к груди. — Это честь! Ваше присутствие превращает этот вечер в нечто... волшебное.

Говорил он точь-в-точь как доблестный кавалер из дешевой баллады.

— Простите мою смелость, — она повела веером, чуть касаясь его руки, — но не составите ли мне компанию? Мне нужен знаток. Видите ли, я унаследовала одну любопытную лютю... На ней старинные руны. А вы, говорят, разбираетесь.

Граф шел за ней, как дрессированный пес за куском мяса. Сыпал вопросами, суетился, пытался угадать тайну происхождения инструмента.

Вивьен не отвечала. Только улыбалась, поигрывала веером, роняла двусмысленные намеки — ровно столько, чтобы его любопытство разгоралось.

Устроившись на бархатном диване, она бережно протянула ему серебристый инструмент, украшенный затейливыми эльфийскими рунами — поддельными, но столь искусно выполненными, что даже знаток мог обмануться.

«Ильва просто волшебница», — мысленно пропела Вивьен, сдерживая довольную улыбку.

— Не видел подобного начертания нигде! — Глаза графа загорелись азартом охотничьей собаки, учуявшей дичь. — Я, знаете ли, вместе с Теодориком Таннхаузером — великим магом, не чета нынешним! — лично облазил руины Аэндории. И таких рун не встречал! Но... — Он заговорщицки понизил голос. — Киарадан Селлардон описывал нечто похожее. Слышали

о таком? Ну, известнейший рунолог! Его труд теперь под запретом, конечно, но я... — граф обернулся по сторонам, — на пару рукописей наткнулся в Элетерии! И даже обсуждал их с самим Вилибальдом Зеппом! И он, представьте...

— С самим Зеппом! — всплеснула руками Вивьен, изображая восторг.

Все эти ученые имена звучали для нее тарабарщиной, и она лишь чаще подливала вино, а речь графа постепенно теряла четкость.

— Вот эта, — Эсбольд ткнул пухлым пальцем в завиток на грифе, — наверняка означает «истинный свет». Ее наносят в храмах богини света — она очень эльфами почитается. Я в Аэндории такую встречал, в руинах... А эту переводить надо. Похожа на древнеэльфийскую букву. У меня дома есть словарь Эзры Бен-Шимон, я мог бы, если позволите, взять лютню... на время.

Вивьен изо всех сил сдерживала хихиканье. Одна руна значила «редька». Вторая — «про-тухший лосось». Она была знакома только эльфам Нижнего города — по меню портовых харчевен.

Она открыла рот, чтобы что-то ответить, но внимание ее, как и всего зала, привлекла фигура в дверном проеме.

Герцог Дорвен замер у арки, окидывая присутствующих взглядом, от которого кружева и позолота мгновенно казались бутафорскими. Черный камзол по фигуре идеально подчеркивал его природную статью, резко контрастируя с пестрыми нарядами гостей. Даже растрепанные волосы казались не небрежностью, а демонстративным пренебрежением к ритуалам высшего света.

Как бы Вивьен ни хотела, она не могла оторвать от него взгляд.

Не прошло минуты, как изо всех углов в его сторону поспешили благородные мамыши, словно коршуны на добычу, волоча застенчивых дочерей на выданье. Они мгновенно окружили его, скрыв от глаз Вивьен, — будто кусок пирога из-под носа утащили.

— Кажется, я утомил вас рассказами о рунах. Прошу прощения, — с укором произнес Эсбольд, проследив за ее взглядом. — Лучше расскажите о себе. Вы же из Тарна? Не часто встретишь здесь земляков. Я, к своему стыду, уж с пару лет там не бывал, давно и герцога нашего не видал. Вы ведь знакомы с его светлостью Мак-Кайрном? Чудеснейший человек.

— Не имела чести, к сожалению.

— Как странно. — Граф постучал рубиновым перстнем по подбородку. — Обычно герцогу представляют отпрысков всех лордов, даже... даже если это не наследник. А где ваше имя?

— Мой папенька всего лишь бывший рыцарь. Мы, так сказать, не много чем богаты. Имение крошечное... Почти в эльфийских лесах... На самом юге Тарна... очень далеко от Гилденора. — Собственный голос звучал для Вивьен чужим, а каждый пульс отдавался в висках навязчивым стуком. — Видели герцога лишь на церемониях. Не до нас ему было.

— Почти в эльфийских лесах? Кто же у нас там близ Илиндора-то...хм-м... — Граф откинулся на спинку, наблюдая за ней с видом человека, разгадывающего интересный ребус. — Давненько я там не бывал, конечно. Подзабыл. Расскажите-ка лучше, как там сейчас?

— Тяжело, милорд. Про голод вы, наверняка, и сами слышали. — Она чуть расслабилась. — Крыс давно доели, бегут в соседние земли люди...

— Ой, ой, ну прекратите! — замахал руками граф, нахмурившись. — Такие разговоры ни к чему в светском обществе. Я имел в виду, знаете ли, другое совсем. Я вот люблю нынче присесть у камина и вспоминать, как окошки с утра покрываются морозом. Узоры такие... Ни один художник в мире не повторит. А как выйдешь на улицу — мороз щеки покалывает, снежок на ставни припорошит... Ляжет на сосны...

— Да... — мечтательно протянула Вивьен, словно погружаясь в ностальгию. — Я, знаете ли, тоже люблю вспоминать наш белый дом из мрамора, вид из окна на сосновый бор...

Лицо графа на секунду исказилось, и девушка решила сменить тему.

— Признаться, милорд... — Вивьен отвела глаза с прекрасно сыгранной неловкостью. — Эта лютня... всего лишь предлог. Все для того, чтобы привлечь ваше внимание. Другие лорды смотрят на меня как на добычу, но вы... вы будто сквозь меня смотрели. — Она подняла ресницы, встретила его взгляд и тут же отвела. — Неужели вы не замечали, как я тоскую в стороне, украдкой наблюдая за вами?

Граф замер, словно его хватили тростью, но тут же радостно зарделся. Вино и лесть сделали свое дело. Он опрокинул в себя еще два бокала, крикнул и, напыжившись, изрек:

— А не посетите ли вы мой особняк в эти выходные? Я с радостью послушаю ваши баллады... в более... — он оголил зубы в попытке соблазнительно улыбнуться, — интимной обстановке. Для душевных бесед, знаете ли.

Граф продолжал улыбаться. Из черных дыр между зубами сочилось что-то мутное, стекая по черно-зеленому налету на деснах.

Вивьен ощутила, как скулы свело судорогой — пришлось усилием превратить ее в слабую улыбку. Граф клюнул. Теперь оставалось только тянуть леску.

— Как я могу отказать такому любезному кавалеру? — Вивьен позволила голосу дрогнуть, будто от смущения.

Попрощавшись глубоким реверансом, она отошла как можно дальше от графа. Подхватив со стола первый попавшийся бокал, залпом выпила вино, не ощущая вкуса. Взгляд бесцельно блуждал по толпе, пока не споткнулся о знакомый силуэт — две барышни наперебой строили глазки герцогу и так быстро хлопали ресницами, что казалось, вот-вот взлетят.

Розовый мрамор особняка Вейнов в сумерках казался почти серым. Вивьен шла вдоль него, чувствуя странное родство с горгульями на карнизах — те тоже вечно таращились на мир с кислой миной.

— Миледи, неужели вы покидаете общество, не простившись?

Насмешливый голос за спиной заставил ее вздрогнуть. Она обернулась — герцог стоял неподвижно, дышал ровно, словно не сделал и шага, чтобы догнать ее.

— Ваша светлость. — Она отвесила реверанс — медленно, театрально, доводя жест до пародии на почтение. — Я полагала, вы заняты. Вас окружал целый рой прелестниц.

— Не любите конкуренцию? Понимаю. — Его губы дрогнули в подобии улыбки. — Итак, Эсбольд уже купился на ваш спектакль?

— Все прошло как по маслу, — бодро солгала Вивьен. — Граф полностью очарован. Уже пригласил меня в особняк. Письма будут у вас, если, конечно, они существуют.

— «Очарован», — герцог растянул слово. — Что же его очаровало — ваши рисунки или то, как вы стреляли глазами? Впрочем, какая разница. Я буду ждать в «Сопящей сове». И имейте в виду: если решите исчезнуть, побег будет недолгим.

— У меня уже был шанс, когда ваш кинжал был у моего горла, — в ее голосе прозвучал вызов. — Зачем мне бежать? Готовьте золото — моя работа стоит недешево.

— Неужели? А я уж думал откупиться безделушками.

Проигнорировав издевку, Вивьен круто повернулась и зашагала к карете, которую он же за ней и прислал.

Вивьен появилась у особняка Эсбольда раньше времени — нарочно, чтобы осмотреться.

Здание громоздилось темной глыбой, как утес. Башни — острые, зубчатые — впивались в низкое небо. Высокие стрельчатые окна местами были заколочены, словно боялись выдать то, что творится внутри.

У ворот застыли две змеиные статуи с высеченными на постаментах фамильными девизами. Глазницы у них были пустые. Вивьен поймала себя на мысли, что им, наверное, не положено смотреть. Чтобы не увидеть лишнего.

Внутри было еще хуже.

Слуга проводил ее в гостиную и усадил на тяжелый дубовый стул. Казалось, он был привинчен к полу, чтобы никто не посмел сдвинуть.

Девушка осмотрелась. На столе стоял мутноватый графин — пах, как северная настойка на кедре. Комната утопала в бордовом цвете — такого густого, кровавого оттенка, что Вивьен показалось, будто она вошла в чье-то нутро. Со стен на нее пялились головы — олени, кабаны, медведи — с разинутыми ртами.

«Сам стрелял или купил?» — подумала Вивьен, разглядывая медведя. Челюсть была прострелена криво, неаккуратно. «Сам», — решила она.

Хозяин особняка вплыл в комнату с улыбкой до ушей, сияя так, словно ему преподнесли корону на блюде. Глаза масляно блестели, пухлые руки мяли одна другую в предвкушении. Вивьен снова содрогнулась от его оскала — казалось, зубов стало еще меньше.

— Леди де Ленор! Как я рад вас видеть! — Он схватил ее ладонь и припал к ней губами. Что-то склизкое ее намочило. Вивьен почувствовала волну в области живота — завтрак просился наружу.

Она высвободила руку, поправила шелковую повязку, плотно прилегающую к ушам, и улыбнулась — глубоко дыша, чтобы успокоить тошноту.

— Милорд слишком добр. Позвольте мне спеть для вас?

Граф закивал, как неваляшка, и грузно рухнул на кресло рядом, не сводя с нее глаз.

Вивьен запела — голос лился, струны звенели, а она усиленно вплетала в его сознание желание расслабиться, довериться, почувствовать тепло. Влюбиться?

Нити магии двигались плавно, послушно — им ничего не мешало. Но граф не шелохнулся — словно прикрутился к полу вместе с креслом. Магия уходила в него — и не задерживалась. Стекала с его сознания, как вода с масла.

Вивьен едва не сбилась.

«Почему?» — недоумевала она. — *Я полна сил! Что не так?»*

Когда допела, граф захлопал в ладоши. Она всмотрелась в его лицо — нет, кажется, он не был очарован.

— Великолепно! Волшебное!

Его рука потянулась к ее коленкам, но Вивьен ловко подхватила бокал и сунула ему в ладонь.

— Ваша кедровая настойка — просто чудо. Лучше не пробовала! Выпьете со мной? Я так волнуюсь при вас.

Граф расцвел и послушно выпил.

«Ладно, попробую без магии».

Она подливала настойку, не давая бокалу опустеть. Щебетала, кокетничала, старательно отводя взгляд от его рта. Слово за слово, она выведала о его страсти: старинные карты.

— О, милорд! — Вивьен сложила руки в молитвенном жесте. — Я так мало знаю о наших землях! Мне почти не довелось путешествовать! Не могли бы вы... показать? Хотя одним глазком?

— Миледи, я бы рад... — Граф заколебался. — Там не прибрано.

— Меня это совсем не смутит! — уверила его Вивьен. — Или, может, попросить прислугу быстренько прибрать?

— У Мэри сегодня отгул... — Эсбольд засуетился в кресле. — Только она...

Вивьен погладила его по коленке — взгляд, которому невозможно отказать, как у кошки, выпрашивающей молоко.

— Ну, если только на минутку... для такой красавицы — хоть все сокровища! Идемте же. Он осушил еще рюмку настойки и махнул Вивьен, чтобы следовала за ним. Грациозно поднявшись, она поправила платье и прихватила с собой графин.

В кабинете пахло так, будто граф поселил здесь полк курильщиков и они не гасили трубки годами. Запах табака въелся в ковры, шторы и корешки книг — Вивьен закашлялась, едва переступив порог.

Она присела на край стола — другого места все равно не было. Эсбольд уже рухнул в единственное кресло, вывалив перед собой кипу карт.

Стол был... мерзкий.

Потрепанные перья валялись вперемишку с засохшими чернильными подтеками. Посреди — опрокинутый подсвечник в форме трезубца, воск залил все, до чего дотянулся. Под пальцами — липко, жирно. Вивьен едва сдержалась, чтобы не вытереть руку о платье.

Ни одного письма. Ни клочка бумаги, который мог бы ей пригодиться.

— Вот, взгляните, — Эсбольд развернул карту, довольно крикнув. — Это новая.

Вивьен скользнула взглядом по пожелтевшему пергаменту. Лига Шести, на востоке через Пятиморье — Элетерия, магический континент. На западе — Аэриндейл — страна эльфов, отделенная от Тарна лесом Илиндор, а от Аквилора — Оскверненными землями. На севере — крепости горцев. Некоторые места были помечены странными значками.

— Что это? — спросила она как можно небрежнее.

— А, не берите в голову.

Граф развернул очередную карту.

— А вот это, — ткнул он в нее пухлым пальцем, — Вальдрос. Весь наш континент. Каким он был двести лет назад. — Он говорил с паузами, произнося каждое слово едва ли не по слогам, будто читал лекцию неразумной ученице. — Видите? Вот Велархейм. А здесь, за Заливом Скипетров — Люмерия, выше — Элбрэнн, а вот тут, на самом севере — наша родина, Тарн.

Вивьен кивала, изображая интерес, а сама краем глаза осматривала комнату.

— А это что? — спросила она, протягивая ему другой лист с причудливой письменностью.

— О, это! — Глаза графа загорелись. Он принял лист так бережно, словно это было живое существо. — Тор-Моорн. Подземное царство. Выменял у одного престарелого горца, знаете ли... — Он мечтательно улыбнулся, вспоминая. — Вот столица, Дракхан. А эти метки... — Палец его скользнул по значкам, похожим на змеиные головы. — Раньше здесь были пещеры драконов. Горцы их помечают — на случай, если кто-то из крылатых еще остался. Чтобы ненадолго обедом не стать.

Он раскатиисто засмеялся собственной шутке, и Вивьен пришлось изобразить улыбку.

— Я сейчас, — буркнул граф, отходя к шкафу. — Там есть еще одна...

Отодвинув стоящий на полу канделябр, он завожился с затейливой застежкой. Шкаф, кстати, был единственным чистым предметом в этой комнате.

Вивьен не стала ждать.

Рука метнулась к бокалу — быстрый плеск, прозрачная жидкость растворилась в настойке. И пока граф кряхтел над замком, она уже оглядывала комнату охотничьим взглядом.

«Где же вы прячетесь, письма?»

Среди мрачного бардака на стене висела карта. Новая, яркая, почти вызывающая. Горы на ней были выпуклыми, как из настоящего камня, реки вышиты серебристо-синим шелком, переливающимся в тусклом свете свечей. Карта висела криво, загораживая изысканную резьбу на стене. Должно быть, ее сорвали с места и повесили наспех. Нелепица.

Вивьен улыбнулась про себя.

«Тайник. Он за ней».

— А это... — голос графа — тихий, гортанный — оторвал Вивьен от размышлений. — Моя гордость. Две тысячи лет, миледи. Стоила мне второго поместья. Вальдрос до Великой войны. До того, как люди начали считать время. — Он водил пальцем по истонченному пергаменту нежно и трепетно, как по телу любовницы. — Вот Аэндория... древняя столица эльфов. Река Имерис — шире моря. А здесь...

Голос сорвался, дыхание стало прерывистым, хриплым. Граф наклонился к Вивьен. Та отпрянула — быстрее, чем думала. Рванулась, выкрутилась, соскользнула со стола и оказалась на ногах.

— Милорд, — голос прозвучал ровно, хотя внутри все кипело. — Давайте выпьем еще! За вашу коллекцию.

Она протянула ему бокал, но он не взял и шагнул ближе. Потные ладони сжимали воздух в сантиметрах от ее плеч. Вивьен отшатнулась и потянулась к нитям магии.

Отвращение! Пусть он ее не захочет!

Нити потянулись к его сознанию — и снова сползли. Словно веретено прогнило — словно порвало волокно.

«Так же было с герцогом».

— Не увиливай, моя прелесть.

Граф рванул ее за руку. Бокал выпал, настойка плеснула на пол — вместе с надеждой усыпить его. Пальцы впились в запястье так, что кости хрустнули. Боль прострелила руку, но Вивьен выкрутилась и отскочила в угол:

— Эта карта! — Она припала к вышивке. — Не расскажете?

Граф не слушал. В его глазах, мутных от вина и похоти, не осталось ничего человеческого. Он надвигался медленно, как маятник гильотины, отсчитывающий последние секунды.

— Карты никуда не денутся, — голос его плыл, густой и душный, как перезрелые фрукты. — Сейчас мне интересны другие... ландшафты.

Вивьен метнулась к окну — заколочено. К двери — он заслонял проход своей тушей. Она заметалась, и это, кажется, забавляло его.

— Куда же ты? — прошептал он, подходя ближе. — Играй, девочка. Мне нравится.

Он почти настиг ее. От него пахло перегаром, потом и чем-то еще — сладковатым, тошнотворным. Как сгнившая картошка. Она дернулась — подол платья зацепился за ручку шкафа, оголив чулок.

— Ножки у тебя... — выдохнул он, косясь вниз. — Такие стройные. Чулочки... Шелк? Сорвать бы их...

Вивьен вжалась в шкаф. Сердце колотилось в районе кадыка.

— А лучше... — Он облизнул губы. — Я сниму их. Медленно.

Она снова рванулась в сторону — кусок кружева остался на ручке. Граф снова преградил ей путь. Вивьен споткнулась о канделябр, и он, воспользовавшись моментом, схватил ее за плечо и грубо толкнул в стену. Она уперлась спиной в вышивку рек.

Он прижал ее, навалился пузом. Губы растянулись в оскал. Каждый зуб — гниль. Вивьен отвернулась, вжалась щекой в карту. Тошнота горько отдалась в горле. Граф засопел, ткнулся носом в ее шею, зачмокал, заслонявил кожу. Слизко, липко, мерзко. Вивьен зажмурилась, впилась зубами в губу — до крови. Лучше уж боль.

Его огромная, потная ладонь сдавила оба ее запястья разом. Кости жалобно скрипнули. Он пригвоздил их к стене над головой и довольно хмыкнул. Свободная рука рывком спустила штаны. Плоть была дряблой, серой, безжизненной — и от нее разлило так, что желудок совершил кульбит. Что-то сочилось, тянулось, воняло. Он прижался этой гадостью к ее ноге. Дернул. Замер. Дернулся снова.

— Да что ж ты! — засипел он, суетливо работая рукой. — Зараза! Чтоб тебя! Какого дракона!

Губы снова потянулись к ней, зашарили по лицу. Вивьен мотала головой, отворачивалась, извивалась всем телом, вжимаясь в стену.

Хватка резко ослабла.

Он отстранился и посмотрел вниз, на себя, с таким недоумением, будто впервые видел. Его немощь висела, как прокисший огурец. Брови сошлись на переносице. Вивьен резко дернулась, высвободила одну руку, скользнула ей по карте. Шелк рек, бархат лесов — пальцы быстро шарили по вышивке, ища, цепляясь, надеясь.

И вдруг — стоп.

Под пальцами — твердое. Внизу, где должна быть равнина Таларры — выпуклость, чужеродная, неправильная.

«Здесь нет гор. Это не карта».

Тайник.

Мысль вспыхнула и погасла — граф снова навалился, прижал, вдавил в стену. Губы — мокрые, липкие — присосались к шее. Потная, тяжелая ладонь смяла грудь.

— Грудок нет у тебя... — сипел он в ухо, обдавая кислым перегаром. — И не дергайся!

Вивьен дернулась. Еще раз. Еще. Если достать... Если ударить его... Если добраться до механизма... Она рванулась — и граф утратил последние крохи самообладания.

— Я сказал — не дергайся!

Со звериным звуком, он впился пальцами в ее ключицы, сдавил горло. Рубиновый перстень врезался в кожу, оставляя кровавый след. Горло свело судорогой, она не могла ни вдохнуть, ни крикнуть. В глазах мельтешили искры.

«Задущит... Сейчас...»

Она ударила — наотмашь, со всей силы — коленом в пах. Граф охнул, сложился пополам и рухнул на колени, хватая воздух ртом.

Вивьен рванула прочь — и тут же скальп обожгло болью. Он дернул за волосы, сорвал повязку, рассыпав локоны по лицу. Она закричала — и вцепилась зубами в его руку со всей силы, до металлического привкуса крови.

Граф взвыл и разжал пальцы.

Вивьен отпрыгнула к двери. Выбежала в коридор и врезалась в чью-то грудь.

Подняла глаза — бледный юноша, лет семнадцати, светловолосый, с миловидным, почти девичьим лицом. Он выглядел так, словно был чем-то напуган. Резко шагнув вперед, паренек перекрыл проход. Глаза его метались: по ее взерошенным волосам, красным следам на шее, порванному платью. Он перевел взгляд на графа — тот, согнувшись, пытался натянуть портки.

— О-отец... — выдохнул он, прижав ладонь ко рту.

— Держи ее, Лукас! — простонал граф.

Юноша схватил ее за руку — резко, но глаза забежали. Вивьен дернулась.

— Отпусти, — взмолилась она, глядя ему в глаза. — Прошу!

Он сжал запястье крепче, но веки нервно дрожали, он то прикусывал, то отпускал губу. Вивьен глянула ему в лицо и заметила — под глазом, сквозь тонкий слой пудры, приступал фингал — свежий, всех цветов фиолетового.

«На дворового драчуна не похож. Хватка слаба».

Эсбольд, с трудом выпрямившись, подошел тяжелым шагом, поправляя камзол, вырвал ее из рук сына и швырнул обратно в кабинет.

Лукас дернулся следом — рефлекторно, всем телом, — но остался на месте. Запустил пальцы в волосы и замер.

Граф вытолкнул его за дверь и захлопнул — но в щель тут же просунулся сапог. Дверь со скрипом приоткрылась.

— Уйди, я сказал! — рявкнул Эсбольд.

Но юноша сапог не убирал.

— Т-там...п-приказчик с к-к-копей. Очень н-настоячив.

— Займи его портвейном! Я сейчас!

— Д-д-да, о-отец...

Он стоял, мелко переступая с ноги на ногу, будто пол под ним раскалился.

— Бегом!

Голос отца прозвучал как затрешина. Лукас исчез.

Эсбольд повернулся к Вивьен и уставился на ее уши — острые, как у эльфов, только чуть короче, — торчащие из-под волос.

— Я же по-хорошему хотел. — Граф развел руками, изображая обиду. — Думал, понимаем друг друга...

— Милорд, я благородная леди... — попыталась Вивьен. — Мне пора, уже темнеет...

— Кому ты брешешь? — Он закатился низким, каркающим смехом. — Я ж сразу понял — что-то тут не так.

Он вышагивал по комнате, размахивая руками, как уличный актер.

— Какая северянка шастает в свете одна? Без шаперона, без мужа, без ничего? Да никакая! Ну, думаю, может, с конюхом потрахалась, батька выгнал, вот и ищет, кому бы присуседиться. А потом — мраморный дом, сосны... Сосны в Илиндоре, а? Испокон веков не росли! И фамилия эта... Ленор. Как у шлюхи из дешевого романа. Нету таких на севере! Ты хоть бы вопрос изучила, прежде чем сказки сочинять!

Кровь отхлынула от лица, оставив кожу мертвенно-бледной. В коленях возникла странная слабость, будто кости стали жидкими. Она хотела возразить, но граф взревел:

— Молчать!

Вивьен закрыла рот и принялась разглядывать дверцу шкафа — если долго смотреть, может, в ней появится выход.

— Я думаю: ну, девка из Таларры, обедневшая, в столице счастье попытать решила. Глупая, но красивая, зараза. Еще и про эльфов все знает, про север — ну, все, что я люблю. Стрательная, значит. — Он приблизился. — А ты ведь... Не просто так про эльфов шпаришь. Бастардка эльфийская, да?

Вивьен вздрогнула, внутри все оборвалось. Она решила промолчать.

— Или из слободы? — продолжил он, наслаждаясь. — Полукровка безродная? Нет, образованная больно. Точно внебрачная. Таких знаю. Наставит рога какому-нибудь графу, а потом — ату его. Скажи, батька твой, видно, эльфку трахнул, да понесла она. А он тебя пожалел, вырастил? А теперь, как подросла, — пинка под зад. А ты привыкла в шелках жить, вот и ищешь дурачка с деньгами.

— Вы правы, милорд. — Вивьен опустила глаза.

— Ну, так я и думал. Увидела, что я без жены, да эльфов люблю. Решила: старый, немощный, отрабатывать не заставлю. А я, может, еще ого-го!

Граф прошелся по кабинету и остановился у окна.

— И что же делать мне теперь с тобою? — Он вздохнул, будто речь шла о заблудившемся котенке. — Порешаем так. Ты рассказываешь правду, а я тебя «Теням» не сдам. Меня всегда прельщали эльфки. Наполовину — тоже сойдет. Всего-то и делов — радовать меня пару раз в неделю.

Он помолчал, ожидая реакции. Вивьен молча рассматривала паркет.

— Вот и славно. — Он хлопнул в ладоши. — А то в этой Таларре эльфки только в борделях. Столица еще, тьфу! — Он скривился. — Знаешь, кто скучнее проститутки? Вот и я не знаю.

Он засмеялся собственной шутке и откашлялся, когда Вивьен не поддержала.

— А тут — игрушку у фон Эверсберга отобрать. — Он мерзко хохотнул и потер руки. — Не бойся, я все устрою. Цапки, балы, что вам, бабам, еще надо? Свет будет считать тебя леди... но и ты не подведи.

В висках у Вивьен стучало что-то — тяжело и часто — заглушая остальные звуки. Мысли, как крысы в горящем сарае, разбегались по углам сознания.

— Я не слышу восторга, — голос графа стал жестче. — Выбора у тебя нет. Либо через неделю ты сама ко мне приходишь, либо...

— Вы предельно ясны, милорд. Через неделю — так через неделю. — Вивьен подняла глаза. Голос ее звучал томно, с легкой дрожью, когда она медленно провела кончиком пальца по шее. — Но... разве благородной леди не полагается золотое кольцо?

Граф замер. Потом лицо его оплыло улыбкой, обнажая гнилые зубы.

— Вот это разговор. Такие расценки мне по карману.

Вивьен вышла из мрачного особняка Эсбольдов. Дверь за ее спиной закрылась плавно и бесшумно — как падает занавес после дурного спектакля.

Она стояла на крыльце, сжимая в руке чехол с лютней, и смотрела на каменных змей у ворот. Глазницы их были пусты, слепы. Хорошо. Хоть они не видели этот позор.

А если бы видели? Что бы они сказали? Осудили? Напомнили, что предупреждали? Или просто закрыли бы глаза — как все?

Она мотнула головой, прогоняя мысли, и почти бегом бросилась к карете. Едва слышно шепнув кучеру адрес, рухнула на сиденье.

Особняк скрылся за поворотом, и Вивьен наконец выдохнула. Она обхватила себя руками, вцепилась в плечи, но это не могло остановить озноб, пробиравший до костей.

Сколько раз она это делала? Десятки. Сотни. Всегда хватало улыбки, взгляда, намека — и мужчины таяли. Сами несли ей золото, сами просили еще.

Да, с Алариком приходилось делить постель — но он был молод, красив, даже пьяный спрашивал, хочет ли она. С Эсбольдом ощущение было как в тот первый раз с купцом.

Только хуже.

Тогда ей было противно, она не понимала. Думала, что так правильно. А что в этом мире правильно? Взрослый мужик и девочка, которой едва стукнуло тринадцать. Может, и не правильно. Но такое было сплошь и рядом. И он спросил!

А этот Эсбольд...

Она зажмурилась.

Никто и никогда не пытался взять ее силой. Просто взять — как вещь, как кусок мяса. Как будто ее согласие вообще ничего не значило.

Его пальцы до сих пор сжимали горло. Она чувствовала их даже сейчас, когда их там не было. Синяки — ерунда, пройдут. А вот эта липкая, тошнотворная мерзость внутри...

Аннетта шарахнулась от двери, когда Вивьен вошла.

— Миледи! — Глаза служанки округлились. — Что с вами? Напали?

— Ванну, — оборвала Вивьен. Голос сел, пришлось прочистить горло. — Побыстрее. И оставь меня...

Аннетта, задержав взгляд на шее госпожи, исчезла.

Вивьен стояла посреди комнаты, не зная, куда себя деть. Руки тряслись. Она провела ладонями по плечам — и одернула. Его потные пальцы. Они все еще были там.

Она рванула завязки платья, сдирая ткань с себя — казалось, вместе с кожей. Платье полетело в угол, чулки — следом. Она стояла голая, тяжело дыша, и смотрела на эту кучу тряпья.

Сжечь. Все до последней нитки сжечь.

В ванну она влетела, едва не опрокинув ведро с горячей водой. Терла себя мочалкой так, что кожа покраснела, потом пошла пятнами. Руки, грудь, плечи, шею — особенно шею. То место, где он сжимал. Где дышал. Где слюнявил.

Вода остывала, но ей все казалось, что запах остался. Эта мерзкая, сладковатая, старческая вонь.

— Аннетта! — крикнула она, выскакивая из ванны. — Убери это! Все здесь убери!

Она накинула шелковый халат и вздрогнула. Ткань коснулась плеча — и по коже побежали мерзкие мурашки. Она зажмурилась и стиснула зубы. Пройдет.

Схватив кувшин с вином, она ушла в спальню, не чувствуя под собой ног. На ходу пила жадно, большими глотками, прямо из горлышка — вино текло по подбородку, капало на грудь, но ей было плевать. Забыть. Выжечь этот вечер из памяти.

Она плюхнулась на перину и сделала еще несколько истеричных глотков. Внутри словно что-то оборвалось.

Слезы хлынули неудержимо, как весенний паводок. Она давилась ими, задыхалась, пыталась вдохнуть между надрывными всхлипами. Грудь сдавило так, будто на нее наступили — казалось, она тонет в соленой луже из слез. Она тряслась, сжималась, чтобы исчезнуть — не помогало.

Тело трясло, зубы стучали, а слезы все текли и текли, пока не кончились.

Внутри стало тихо, пусто — только дрожь никак не унималась. Она лежала, свернувшись калачиком, и смотрела, как на стене колышутся тени от свечи.

Заставила себя встать, глотнула еще вина. Оно все еще обжигало горло терпкостью. Не утонула. Еще не разучилась держаться на плаву.

Что-то мелькнуло в окне.

Вивьен прищурилась, вглядываясь в черноту. Сначала подумала — показалось. Но тень не исчезала. В черном стекле отражался силуэт в капюшоне. Та самая фигура в темном плаще.

Дрейлит.

Вивьен отпрянула.

«Все-таки за мной».

Что делать? Прятаться? Бежать?

Она метнула взгляд на ящик с кинжалом — слишком далеко. Пока достанет — та уже будет здесь.

Кто ее нанял? Зендар? Зачем, если они договорились? Эсбольд? Но он не знал о ее планах. Кто-то из прошлого? Один из ограбленных лордов наконец догадался? Некогда думать.

Вивьен на цыпочках скользнула к столу, задула свечи — кроме одной. Схватила полупустой кувшин — единственное, что было под рукой. Вцепилась в горлышко — так, что пальцы побелели на сгибах. Прижалась к стене у окна, затаившись в темноте — теперь с улицы ее не было видно.

В тишине она слышала только собственное дыхание.

Потом — скрип.

Оконная рама отодвинулась, и в проеме мелькнул черный капюшон. Не успела фигура перевалиться через подоконник, как Вивьен с визгом обрушила на нее кувшин. Сосуд с оглушительным треском разлетелся, забрызгав вином портьеры, простыни и пол.

— Ай! Да вы рехнулись?! — раздался мужской баритон, обрушивший на нее такие выражения, от которых у заправского трубочиста уши свернулись бы в бараний рог.

В комнату ввалилась высокая фигура, ругаясь на ходу.

Из-под сбившегося капюшона на нее смотрели малахитовые глаза — с такой яростью, что снова захотелось потянуться за кинжалом. По лицу стекала струйка крови. Герцог Дорвен отряхнул с плеч осколки кувшина.

— Вы совсем ума лишились, миледи?! — Он ощупал рассеченную бровь. — А если бы череп проломили?!

— А вы? — Вивьен попятилась. — Это на юге у вас принято в окна лазить?!

— Вы не пришли в таверну!

— У вас что, от этой новости руки отсохли? Постучать в дверь сил не осталось?

— Я думал, вы сбежали с моими деньгами!

— А в окно вы, значит, за ними? — Она поставила руки в боки. — Вы же видели меня. Что мешало постучаться, как цивилизованному человеку?!

На это герцог умного ответа не нашел, ограничившись недовольным бормотанием.

— У вас... кровь течет. — Она кивнула на его бровь.

— И голова трещит, — буркнул он, снова касаясь раны. — Не думал, что вы такая... боевая.

— Я испугалась! Подумала, что вы... — Она осеклась, глянув на его широкие плечи. — В общем, неважно. Дайте посмотреть.

Вивьен осторожно сдвинула капюшон. Герцог дернулся было назад, но остался.

Она приблизилась, чтобы рассмотреть рану, вдохнула терпкий аромат вина, пропитавший плащ, и что-то еще — горьковато-сладкое, явно недешевое. Пальцы сами потянулись к его лицу: коснулись брови — целой, над порезом, скользнули по скуле, задержались на подбородке.

Он следил за ее руками, перевел взгляд — и перестал моргать.

Уши. Острые и изящные — предательски торчали из-под волос.

— Пустяки, просто царапина. — Она резко одернула руку и отшатнулась, пряча уши за волосами. — Я позову служанку, обработаем.

— Не надо. — Он отвел глаза, оглядывая комнату. — Не хотел бы, чтобы слуги знали о моем визите.

— Тогда вам не стоило приходить. О чем вы думали? А если бы здесь был граф? Он бы мне голову оторвал.

— Его нет в городе. — Зендар усмехнулся, но как-то неуверенно. — Он бы не успел.

Вивьен закатила глаза.

— Если вы пытаетесь заигрывать, то терпите жалкое поражение. Это мой дом.

Она распахнула дверь:

— Аннетта! Воды с травами и чистую ткань! Я порезалась. И вина, нашего лучшего! — Закрыв дверь, она обернулась: — Аннетта... Никому не скажет. Она верна мне, а не графу. — Вивьен кивнула в сторону гостиной. — Идемте. И снимите плащ — вы провоняли весь дом винным погребом.

Вивьен вальяжно опустилась на диван. Герцог аккуратно устроился напротив — взгляд его то и дело соскальзывал куда-то в сторону ее волос.

— Нравятся? — Вивьен убрала прядь за ухо, открывая его целиком. — Папенька любил эльфиек. Я-то тут причем?

Зендар моргнул, будто его застали за чем-то неприличным.

— Я ничего не имею против. — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Просто вам не место здесь. Лучше бы в Тарне остались. Или где вы там росли?

— В холоде и голоде? — Вивьен снова спрятала ухо. — Вот уж спасибо.

— Там хотя бы не режут за острые уши. — Он снова стер кровь, сползавшую на веко. — Таларра — худшее место для таких, как вы. Только здесь «Тени» ловят вас — во имя Эревайна.

— И где бы, по-вашему, мне было лучше? — Вивьен закинула ногу на ногу. — В Идра-нии?

— Например. — Зендар усмехнулся. — Эльф, горец — хоть дрейлит. Работаеть хорошо — и боги с тобой. В Идрании всем плевать.

— Плевать, — смаковала слово Вивьен. — Везде плевать. Живи в слободе, жри отбросы, пока соседи не сожгут твой дом. Забава.

Зендар хмыкнул, но спорить не стал. Вместо этого вытащил из-за пояса кинжал и протянул ей рукоятью вперед. Тот самый, который был у ее горла.

— Работа моего кузнеца.

Вивьен провела подушечками пальцев по гравировке — пылающий феникс, многоглавая тварь под ним. Те же линии, что прятали ее шрамы.

— Ваш кузнец — эльф?

Зендар подмигнул ей.

Дверь распахнулась, и в гостиную влетела Аннетта. В одной руке — бутылка, в другой — поднос с бокалом и миской, из которой на пол щедро летела мутноватая вода. Прижимая все это к себе, она пыхла и явно очень торопилась.

— Миледи! Вы поранились? Давайте я...

Она застыла — увидела герцога. Глаза-пуговицы округлились, стараясь не выкатиться на пол.

— Все хорошо, Аннетта. — Вивьен шагнула к ней, загораживая обзор. — Можешь идти.

Служанка поставила бутылку, попятилась к выходу, но взгляд от герцога не отрывала. У самой двери она перевела глаза на госпожу — и быстро, заговорщицки подмигнула. Дверь закрылась неприлично громко.

— Что случилось? — голос герцога прозвучал тихо, но Вивьен вздрогнула.

— О чем вы?

— Ваша шея... — Он коснулся своей, повторяя рисунок синяков.

— Я... ударилась.

Она отвернулась, зарылась пальцами в волосы, натягивая их на шею.

— Вам когда-нибудь говорили, что вы отвратительно лжете? — Он спросил это без злости. — Вы не пришли в таверну. А теперь я вижу вас — заплаканную, в синяках. Что произошло?

Вивьен молча покосилась на себя в остатки зеркала на армуаре. Даже издалека выглядела она ужасно. Распухшие веки, бледная, как мел, кожа, спутанные локоны, из-под которых торчат уши.

«Боги, лучше бы я его вырубил этим кувшином».

— Мне не удалось раздобыть письма. Это все, что вам нужно знать.

— И между делом вам шею тайником защемило?

— Вы такой шутник, герцог. Ну, невероятный! — Она обиженно надула губы.

Подойдя к столу, она налила вина и протянула ему бокал. Сама смочила тряпицу в миске с травяным настоем и повернулась к нему.

— Я сам.

— Сидите смирно.

Она осторожно прижала ткань к его брови, промакивая кровь.

Аннетта снова влетела в комнату — поставила второй бокал, сгребла рваное платье и чулки и исчезла за дверью быстрее, чем Вивьен успела закатить глаза. Герцог уже все видел.

— Вы так и не ответили, — сказал он. — Что случилось?

Вивьен отложила тряпицу, отставила миску, налила себе вина и сделала глоток.

— Сами как думаете? — Еще глоток. — Граф... повел себя как любой мужчина — дай ему женщину и власть.

Она замолчала, сжав бокал так, что хрусталь взмолился, чтобы не треснуть.

Герцог подождал, потом осторожно спросил, словно пробуя лед на прочность:

— Граф вас...

— Не успел. — Вивьен сказала это быстро, почти выплюнула. — Видимо, вы помолились за меня Сериссе... потому что я...

Горло сдавило, глаза защипало. Резко отвернувшись, она сглотнула и крепко вцепилась в складки халата. Рука Зендара дернулась к ней на мгновение, но он передумал и опустил ее.

— И знаете, чего я совсем не понимаю? — Вивьен отставила бокал. — Моя магия не сработала! Дважды! Сначала я попыталась очаровать его, чтобы он расслабился, а потом... остановился. И ничего!

Герцог поперхнулся вином и закашлялся.

— Вы использовали магию?! С ума сошли?

— Ой, только не стройте из себя святого. — Вивьен закатила глаза. — Нашлись поборники законов. Я всю жизнь так делаю — и ни разу не попала. Только раньше всегда работало. А тут — провал!

— А вы не думали, что его дом мог быть защищен? — Зендар вытер губы рукавом. — Там могли быть руны. Может, они где-то спрятаны?

— Нет там рун! Я бы их почувствовала! На площади, где они есть, нити магии как из камня, я не могу до них дотянуться. А тут — я могла. Но они... не вплетались.

— Вы правы — даже у меня их нет. Откуда бы он взял кровь дракона? Да еще и черного... — Зендар задумался. — Что вы почувствовали?

—словно... — Вивьен замерла. — Пойдите. — Она уставилась на него. — В доме д'Эстель рун не было. И я очаровала Киттенса. А вас — нет.

Зендар рассмеялся.

— Не принимайте близко к сердцу. — Он все еще улыбался. — Вы очаровательны. Просто, может, не в моем вкусе?

— Не смешно! — Вивьен швырнула в него подушкой. Он перехватил ее на лету, продолжая смеяться.

— Не удержался, простите. И как же вы собирались меня очаровать?

Она смотрела на него и размышляла. Его должно было что-то защищать. Так не бывает. Эльфов боялись не просто так. Кто развивал дар, мог управлять людьми — через эмоции. Влюблять, внушать доверие, притуплять бдительность.

Вплетать магию в спокойное, расслабленное сознание было легко. А вот если человек охвачен страхом или яростью — уже сложнее. Впрочем, и это у Вивьен получалось довольно неплохо. Но Зендар на балу был совершенно спокоен, да и Эсбольда обуяла разве что похоть.

— Сначала вы, — потребовала она. — Дело в вашем кольце, да? У Эсбольда было похожее!

Зендар небрежно взглянул на перстень, снял его и протянул ей. Изумруд был темным, как его глаза. Ковка выглядела древней — он видел свет не одно столетие.

— Семейная реликвия. Их выковали для герцогов-хранителей земель. Никакой магии, уверяю вас.

Вивьен вгляделась в завитки внутри.

— Что здесь?

— «Через огонь — к свету». Наш девиз — на языке пустынь.

Она вернула перстень обратно — Зендар надел.

— Тогда что? Что вас защитило?

Зендар посмотрел на нее так, словно она только что спросила, с какого конца держать вилку.

— Я правда не знаю, что вам сказать. Когда я поймал вас, я почувствовал... смущение, неловкость. Но я просто... решил чувствовать иначе. Кто я такой, чтобы таять перед женщиной?

Вивьен моргнула. Звучало правдоподобно. Она очаровывала пьяниц в Нижнем городе, выменивала побрякушки у купцов в Среднем, водила за нос знатных дурачков. Наверное, они просто не умели защищаться. Но кто он такой, чтобы просто решить иначе?

— Вы думаете, Эсбольд... тоже просто решил не поддаться?

— Может быть, — пожал плечами Зендар. — Он опасен — вполне возможно.

— Опасен... — Вивьен задумалась. — Вы знали, насколько он опасен, когда отправляли меня? Знали, что он делает с женщинами? Что он... монстр?

Зендар посмотрел ей в глаза — она ждала, что он начнет оправдываться, извиняться, объяснять.

— Знал, — сказал он просто.

Знал. Ну, конечно! Он даже что-то говорил про это — она сама не послушала. Знал — и все равно отправил. За деньги. Ну и что? Мог бы не отделяться парой фраз. Рассказал бы толком — глядишь, она бы призадумалась. Она чувствовала злость на себя, но выплеснула ее на Зендара.

— Не могу поверить! Просто не могу поверить! — Крик больше походил на взволнованный писк. — И вы молчали?!

Она выхватила бокал, который он только поднес к губам.

— Сидите тут, вино потягиваете! Если бы вы мне сказали... А так... А он...

Она дернула герцога с дивана и принялась толкать к двери, осыпая такими словами, что вино в бокалах становилось краснее.

— Миледи... Вивьен... — пытался высвободиться Зендар. — Откуда мне было знать, что он предпримет?

— Я просила вас! Просила мне все рассказать!

— Я даже предупредил вас! Сказал, что вы...

— Убирайтесь! Видеть вас больше не желаю.

Она вытолкнула его во двор. А спустя пару минут из окна вылетел его плащ, все еще разящий вином.

Дряблая плоть Эсбольда откликнулась на низменный порыв. Губы, влажные от вина, разползлись в ухмылке, расцветающей словно роза на бесцветном лице, обнажая ряд кривых зубов с черными, гниющими дырами. Потная ладонь разорвала чулок, оголяя бледную кожу. Его тело вдавило ее в кровать, и в нее вошло что-то склизкое, чужеродное — как дохлая рыба.

Она зажмурилась, а когда открыла глаза — увидела не его.

Огонь плясал на досках, лизал стены, трещал, выл, пожирая все вокруг. Искры. Крик. Запах гари. Пламя перекинулось на портьеры. Она извивалась, пытаясь вырваться, но руки Эсбольда, как капкан, удерживали ее.

С беззвучным криком Вивьен проснулась. Стук в ребрах не давал дышать. В ноздрях — призрак того самого запаха. Она скрестила руки вокруг тощих коленок и приговаривала, растирая рисунок феникса на руке:

— Я сегодня не сгорю... Я сегодня не сгорю.

Весь день Вивьен словно барахталась в киселе безысходности. Она пыталась играть на лютне, но ноты кочевряжились. Бралась за книгу, но вместо букв видела лишь картинки: рубиновый перстень, дрейлит-убийца, слюнявые губы, как пиявки, тянущиеся к шее, гноящиеся зубы... Нет, только не зубы. Она захлопнула книгу.

Отошла к армуару, поковыряла разбитое зеркало. Увидела свои уши. Их вчера увидел герцог. Герцог! До этого он мог сдать ее страже за воровство. Теперь же — знал, что она полукровка. Знал про магию. Вдруг он уже пошел к «Теням»?

Уже сгустились сумерки. Нет, хватит сидеть взаперти. Вивьен осмотрелась. Чем ее апартаменты лучше тюремной камеры? Тут тоже приносят еду. И, возможно, скоро казнят.

Она тряхнула головой, отгоняя мысли. Уж если и встречать виселицу — то нарядной и в красивом месте. Она аккуратно открыла армуар — чтобы не порезаться о разбитое зеркало. Вытащила кружевное платье. Сборки, как вчера. Как на том платье, в котором Эсбольд... Кружева вернулись в шкаф. Она достала простое льняное платье, прикрыла синяки жемчужным шарфом, спрятала уши повязкой. У всех ли женщин столько секретов?

«У всех», — решила Вивьен.

Просто кто-то прячет их под пудрой.

Город наполняли ароматы роз, оплетающих фасады, и свежей выпечки из соседней пекарни — такие густые, что у Вивьен начинала болеть голова, если вдыхать слишком долго.

Впервые за день желудок напомнил о себе — громко, настойчиво, даже обиженно. В Верхнем городе, среди мрамора и шелка, она открыла, что обожает мясо — рулетики из куропатки оказались несравненно вкуснее жареных крыс.

«Сейчас бы отведать их в «Сияющей ложке», — мелькнула мысль.

Но она отогнала ее: Эсбольд был завсегдатаем таверны. На секунду запах роз сменился старческой гнилью, начисто отбивая аппетит. И все же есть хотелось нестерпимо.

Громадные олени рога, покрытые сусальным золотом, красовались над тяжелой дубовой дверью таверны «У Трех Благородных Оленей». Название «таверна» было слишком скромным для этого заведения, в котором по вечерам кутила столичная знать. Этот закрытый клуб для обладателей тяжелых кошельков держали три друга-барона. Поговаривали, название родилось неспроста: всем троим жены дружно наставили рога.

У входа, точно изваяние, застыл привратник в ливрее. Сюда не пускали кого попало.

— Леди де Ленор, вы чудесно выглядите! — просиял он улыбкой. — Граф фон Эверсберг, как всегда, задерживается?

— Ах, Томас, вы как всегда милы! Граф... путешествует. На этот раз я одна.

Пройдя внутрь, Вивьен заняла один из резных дубовых столиков. Здесь не нужно было кричать через весь зал, как в шумных тавернах нижних улиц. Слуги в безупречных камзолах устремлялись к каждому гостю, едва тот занимал место.

— Леди де Ленор, чем могу услужить? — с легким поклоном улыбнулся ей невысокий, худощавый юноша.

— Здравствуй, Оливер! Не стоит церемоний, — ответила улыбкой Вивьен. — Принеси, пожалуйста, бокал гранатового. 1570 года есть? Бери его. И перченого фаршированного фазана.

— Вино, как обычно, подать сразу, миледи?

— Да, пожалуйста. А знаешь что? Лучше сразу графин. И запиши все на счет графа.

Вивьен окинула зал взглядом и осознала: она — единственная женщина в заведении. Благородные дамы редко посещали подобные салоны — до замужества это считалось дурным тоном, а после появлялась задача поважнее: рождение наследников.

Справа от нее шумная компания подвыпивших молодых лордов азартно резалась в «три короны» — игру, в которую спускал состояние Аларик фон Эверсберг. Правила требовали ставить на определенные комбинации карт, и большинство за столом мрачнели на глазах. Лишь один игрок — с вороном на гербе, стало быть, барон Монтегю — сиял: Серисса явно благоволила ему.

Слева незнакомые лорды развлекали куртизанок. А в дальнем углу... Вивьен присмотрелась. Черный камзол, знакомая осанка. Герцог Дорвен.

Он не замечал ее, увлеченно беседуя с двумя незнакомцами. Это радовало. Нарываться на продолжение вчерашней перепалки не хотелось.

Она пыталась разглядеть гербы у собеседников Зендара — и тут принесли фазана. Вивьен поморщилась и брезгливо отодвинула перья, вспомнив о застрявших в зубах хрящиках полусырых голубей. Гадость. Но перец был хорош, жгучий, пряный, он щекотал горло, отвлекая от всего остального.

Раздался грохот. Пьяный барон Монтегю рухнул на соседний стул, как мешок с зерном. Выглядел он удрученно: Серисса богиня капризная. Вивьен это не удивило: барон настолько перебрал, что едва ли отличил бы туза от двойки.

— И-и-и к-красотка... одна...

Язык у барона заплетался так, что слова приходилось собирать по слогам из пьяного мычания.

— Я пытаюсь спокойно отужинать. — Вивьен запила фазана глотком вина и даже не взглянула на него.

— Брось эту... птицу! — Он икнул. — Дожуй, и едем. Карета ж... — Покачиваясь, он ткнул пальцем в сторону окна. — Ждет! Спер...ва... «Дивный сад», потом — ко мне.

— Не знаю, за кого вы меня приняли, милорд, но вы ошибаетесь. Публичный дом в вашей компании не входит в мои планы, — отрезала Вивьен, со скрипом отодвигая стул.

— Да ладно те!

Барон навалился на стол, угодив локтем прямиком в тарелку. Девушка отдернула бокал, спасая от падения — брызги вина испачкали платье. Потерянно оглядела зал: слуга застыл в стороне, как воробей перед кошкой. Да и стал бы он перечить знатному гуляке?

— Вставай, патлатая! Поехали! Мужиков же караулишь — так я и есть, — он указал обеими руками на свою промежность.

— Милорд, вы меня смущаете. Я — леди де Ленор, благородная дама. Заклинаю: оставьте меня.

Барон моргнул. Потом заржал. В процессе случайно рыгнул.

— Л-леди?! Какая нахрен леди? Одна тут — ну, мужика ждешь! Шлюха, значит! — Он схватил ее руку, пытаясь силой влить в нее вино. — Пей! Кончай ломаться!

В этот момент чья-то рука взяла барона за шиворот.

— Убери лапы от леди, — прозвучал за его спиной властный баритон.

Барон отшатнулся, отшвырнув руку Вивьен. Брызги вина полетели в стороны, щедро окропив платье.

— Ты че, по морде захотел?! — проревел барон, неуклюже замахнувшись. Кулак прошел мимо, нанося урон лишь воздуху. Барон качнулся вперед и едва не осел на пол.

Будь он трезв, мысль поднять руку на герцога ужаснула бы его. Но трезвость осталась на дне стакана.

Тут же точный удар с треском впечатался в челюсть барона. Тот влетел в стол, отправив на пол остатки фазана и посуду. Из искривленного рта закапало на камзол. Зендар лишь небрежно стряхнул слегка покрасневшую кисть.

— Ах ты фука! Фуб выбил! Я те... — Барон попытался подняться, но его пошатнуло.

— Проваливай. — Герцог посмотрел так, что и зеваки невольно сжались. — Еще раз увижу рядом с этой дамой — «Тени» навесят алхимиков твоей мамы. Уверен, им будет что найти.

Барон крутил головой, ища поддержки у присутствующих. Кто-то кривился, кто-то отводил глаза, а кто-то откровенно усмехался. В Верхнем городе махать кулаками считалось дурным тоном — хуже, чем плюнуть в суп соседу. Прижимая окровавленный рукав к распухшей губе, он просвистел сквозь остатки зубов:

— Я этого... не офтавлю, Дор...фен.

Сплюнув на паркет кровавый комок, барон поплелся прочь, пошатываясь. Зендар проводил его кривой усмешкой.

Вивьен молча взирает на место недавнего ужина — здесь словно только что прошла армия. Остатки фазана сиротливо лежали на полу, где вино смешивалось с кровью в липкую темную лужу. Она перевела взгляд на герцога с нескрываемым недовольством.

— Принимаю вашу безмолвную благодарность, — в его взгляде читалась гордость за собственное геройство.

— Благодарность? За испорченный ужин и платье? Ну уж нет. С вас бутылка вина. Фазана я вам великодушно прощаю.

Герцог коротко хохотнул. Повернулся и щелчком пальцев позвал слугу:

— Принесите повторить. На мой счет. И два бокала.

— Один бокал, — поправила его Вивьен, направляясь к выходу. — Я не обрадую вас своей компанией, герцог. Мне пора.

— Подождите.

Он перехватил ее руку — мягко, но так, что вырваться было невозможно. Его пальцы были удивительно нежными.

— Мне нужно с вами поговорить.

— Извинения я принимаю в бриллиантах — отчеканила она, уставившись на его руку, как на мешок помоев. — Разговоры тут ни к чему.

Он тут же разжал хватку, будто схватил горячую кочергу, и выпрямился.

— Присядьте, — вкрадчиво предложил он.

Указал на уединенный столик, уцелевший в хаосе и с почти рыцарской учтивостью отодвинул стул. Вивьен посмотрела на Зендара. Потом на стул. Снова на герцога.

— Вы шутите? — Она села. — Не вы ли хотели, чтобы нас не видели вместе? Уже в который раз сами нарушаете свое же условие. Как неразумно.

— Все знают: я не терплю, когда пьяницы поднимают руку на женщин. — Он пожал плечами. — Никто не заподозрит ничего... необычного.

Слуга беззвучно как дрейлит убивает из тени, поставил на стол новый графин с вином и два хрустальных бокала. Герцог налил себе, отпил — и отставил.

— Я не должен был влезать к вам в окно.

— В следующий раз я возьму кинжал вместо кувшина.

Он улыбнулся, коротко, как-то невесело.

— Я также знал, что вам может грозить опасность, — голос стал тише, почти интимным, — но думал — вы справитесь.

Вивьен молчала. Он помедлил.

— И все же, признайте: вы были опрометчивы.

— Это вы виноваты! — Вивьен отвернулась. — Ничего бы этого не случилось, если бы вы сказали...

— Сказал бы что? — перебил он. — Я не знал, что вы собираетесь... делать.

Он глянул ей в глаза, скользнул ниже — и задержался на жемчужном шарфе. В глазах вспыхнуло что-то темное, почти демоническое. Он прочистил горло.

— Мне следовало яснее дать понять, кто он такой.

Вивьен медленно сжала бокал — и тут же разжала.

— Вы не только об этом умолчали, это видно. Откуда вы знаете, какой он?

Зендар постучал пальцами по столу и быстро огляделся.

— Не здесь. — Он поднялся. — Прогуляемся?

— Ну и? — Вивьен нетерпеливо дернула плечом, едва они отошли от двери. — Рассказывайте же.

Зендар огляделся, на всякий случай, хотя улица была пуста. Потом вздохнул.

— У меня была кузина. Самира. Мы росли вместе. Лазали по яблоням, сбегали в Эльдеренский лес. Я часто гостил у них. Жена дяди родом из Таларры — у них здесь особняк. Когда я стал воспитанником принца Корвина, мы почти не общались. Изредка пересекались на балах.

Он помолчал.

— Она была красивая. Черные волосы, зеленые глаза — наша порода. — Он чуть лукаво подмигнул Вивьен и тут же снова стал серьезным. — Десять лет назад на балу Эсбольд напился, поволок ее в сад. Как шлюху, за кусты. Но он не знал Самиру. Она... не славилась добросердечностью.

— Тоже ваша порода? — вставила Вивьен.

— Если хотите, — дрогнули уголки его губ. — Так вот, на юге женщины носят в чулке ножик — на такой случай... Все думали, она ограничилась пощечиной. Оказалось, она всадила ему лезвие в бедро.

Вивьен подняла бровь.

— А он отомстил, как сумел. Запустил в свет такую грязь, что мой отец предпочел сослать Самиру в Элетирию, чем терпеть позор. Дядя на коленях умолял — бесполезно. Я о ней больше не слышал.

Вивьен сощурилась, вглядываясь в его лицо, но снова не смогла ничего прочесть — только глазела на пухлые губы. После некоторого молчания он продолжил:

— Мне было семнадцать. Я грезил мстью. Каждую ночь...

— Долго сочиняли, ваша светлость? Очень трогательно. Такой вы фантазер!

Зендар расхохотался.

— Миледи, вы раните меня! Разве герцоги врут?

— Вы не расскажете мне правду? Я права?

— Я слегка приукрасил. — Зендар расплылся в улыбке. — Мстить за Самиру я не собирался. Честно? Она была конченой сукой. Я даже обрадовался, когда отец ее отослал.

Вивьен хмыкнула.

— Но Марсело пристал: «честь дома», «ты должен», «как будущий герцог»... В итоге убедил вызвать Эсбольда на дуэль.

— Дуэль?! — Вивьен даже подалась вперед. — Значит, слухи о вас правдивы...

— Если бы! Как видите — он жив, и глаза на месте.

— И вы еще меня за магию ругали! Дуэли тоже вне закона.

— Меня бы не казнили. Я — Дорвен. А вы, миледи, болтались бы на шибенице¹.

— О, не зарекайтесь. — Она издала короткий, зловещий смешок. — И что же? Полагаю, вы промазали?

— Хуже. Каэл рассмеялся мне в лицо, назвал сопляком и захлопнул дверь.

— И теперь вы хотите по-старинке отомстить за уязвленное эго? У нас с вами больше общего, чем я думала.

— Вы правы. — Зендар вдруг стал серьезным. — Я к вам... даже проникся. И вопреки тому, что вы обо мне думаете — я не враг.

Вивьен молчала.

— Именно поэтому я спрошу: что именно вам сделал граф? Чем он вам угрожает?

— Это вас не касается, — отрезала Вивьен. — Как вы любите говорить.

— Жаль, — он вздохнул. — Что ж. Если вы не можете мне доверять — разговаривать не о чем. Придется попрощаться.

— Вы думаете, я куплюсь на это? — Вивьен расхохоталась — картинно. — Думаете, я не понимаю, чего вы добиваетесь? Знаете, сколько в борделях девчонок, которые поверили, что им хотят помочь? А потом...

¹ Шибеница — устаревшее название виселицы или дыбы

— Знаете, что забавно? — перебил он. — Вы как наши воины. Те лучше сдохнут в канаве, чем выпьют зелье от гангрены. Так боятся магии, что готовы умереть за свой страх. — Он покачал головой. — Но вы продолжайте. Мне даже нравится за вами наблюдать.

— У меня нет причин вам верить.

— А не верить — есть? — Он подался вперед. — Я мог бы забыть о вас после провала. Нанять другого. Думаете, воров в городе мало?

Вивьен задумалась. А если он не врет? Правда хочет помочь? Как избавиться от Эсбольда без него — непонятно.

Но так не бывает. Ему нельзя доверять. Никому нельзя.

В этом мире есть всякое — феи, драконы и магия. Но добро? Его точно нет — как единорогов.

Никто не делает ничего просто так. Никто.

Но она знала, как заставить человека плясать под свою дудку. Нужно лишь понять, чего он хочет. И дать ему это. Или честно-пречестно пообещать.

— Так уж случилось, герцог, — она тоже подалась вперед, пытаясь казаться выше, — что я не бросаю дел на полпути. С вами или без вас — письма будут у меня.

Он рассмеялся.

— Я даже не понимаю, чего вы добиваетесь этим жалким блефом. — Его лицо перестало выражать эмоции. — Не забывайте, я знаю о вас все. Например, что вы эльф и нелегальная магичка.

— И как докажете? Вы знаете это только с моих слов. Ваши показания весомее — да, но когда письма будут у меня... Ох, как вы заговорите!

— Хотите работать против меня? — Он снова коротко рассмеялся. — Сначала вы не показались мне глупой.

— Удачи с вашей местью, герцог. Или спасением горцев. Или чем вы там заняты.

Она улыбнулась зловеще, как кукла в театре.

— Наверняка будет обидно, когда какая-то полукровка уязвит ваше эго сильнее, чем граф.

Она развернулась и, не дожидаясь ответа, зашагала в сторону Пряничного переулка.

Глава 4. Черная роза пустыни

Подарки она принимала часто. Лорды любили задаривать певичку висюльками — так они чувствовали себя щедрыми и значимыми.

Вивьен приоткрыла крышку. На алом шелке извивалась золотая змейка. Рубиновые глаза слегка косили — точь-в-точь как на родовом гербе Эсбольдов.

— Записка, мадам, — протянул посыльный конверт с фамильной печатью, откланялся и исчез.

Она сломала запекшийся воск.

«Жду сегодня на приеме у Блэтонна. Колье чтоб было на тебе. И на всех приемах впредь. Не увижу — уговора не было. Неделя, чтоб съехать от фон Эверсберга. Адрес ниже. P.S. И балладу про Вестару приготовить. Чтоб до слез. Без фокусов».

Ехать Вивьен не хотелось. Может, отказаться? Сослаться на немощь? Нет, будет только хуже.

Пришлось садиться за стол и выдавливать из себя строчку за строчкой, одна приторнее другой — про любовь, про богиню, про все то, о чем она, может, и мечтала лет так в десять. С годами эти мечты приобрели прокисший вкус.

— На прием, так и быть, съезжу, — цедила она, подбирая рифмы. — «...его сердце пронзила стрела...» Что бы дальше? Козла? Оsla? Нет, все не то!

Она отшвырнула перо, вскочила, толкая стол, и взялась за голову.

— Дает мне неделю? Да чтоб его уд сгнил! — Она пнула кровать. — Пес смердящий! Я ему устрою!

Карета, которую прислал Эсбольд, так блестела золотом, что, казалось, ей можно осветить весь Нижний город. Солнечные лучи отскакивали от нее, норовя выжечь глаза. Вивьен щурилась, прикрываясь ладошкой, и думала: может, граф решил ее ослепить, чтобы она наконец перестала замечать, кто перед ней?

Сивый жеребец в бордовой попоне покосился на нее и заржал — то ли приветствовал, то ли предупреждал, то ли просто хотел оплевать. Вивьен отпрыгнула.

— И тебе здравствуй, мерзкая тварь, — проворчала она.

У крыльца, высеченного из белого мрамора, ее встретил дворецкий. Он окинул ее взглядом, который, казалось, подсчитывал стоимость каждой нитки ее платья и жемчужины на вуали в волосах. Очевидно, сумма его устроила — он коротко кивнул и молча проводил в гостиную, где уже собрались гости.

Барон и его супруга слыли главными свахами столицы. Их приемы давно стали ярмаркой тщеславия, где продавали и покупали невест. Престарелые лорды искали девиц моложе себя лет на семьдесят, а те, как плющ, тянулись к юнцам, изрядно налегавшим на херес и кларет.

Действительно заинтересованные в женитьбе холостяки обходили ряды потенциальных невест, с дотошностью осматривая их, словно породистых кобыл.

Какой-то лорд лет пятидесяти остановился перед девицей в розовом, взял ее за подбородок и сказал:

— Откройте рот.

Девушка открыла. Он заглянул внутрь.

— Все на месте? Вроде да. — Тут же скривился. — Кривоваты.

Он повернулся к Вивьен, но та замахала руками, показывая, что не ищет мужа. Лорд, пожав плечами, направился к девице в оранжевом, выглядящей не старше лет четырнадцати. Вивьен взяла со стола бокал и сморщилась — перепутала вино с какой-то сливовой гадостью.

Справа дама в лиловом, чьи груди были так стянуты корсетом, что, казалось, скоро достанут до ее подбородка, доказывала:

— Яд это был, клянусь!

— Но следы? — не верила дама в красном, чья помада сильно выступала за контур ее собственных губ.

— Никаких! — Она сунула за щеку горсть засахаренного миндаля. — Не звя бавон за фвои уфвуги бевет фтока. — Миндаль летел в разные стороны.

— Говорят... — Ее собеседница перешла на шепот. — Она мужа в гроб вогнала, чтобы освободить местечко для герцога Дорвена.

Вивьен придвинулась, чтобы лучше расслышать, но дамы резко замолчали и уставились на нее. Неловко.

— Дамы, — кивнула она. — Я лишь хотела посмотреть, нет ли рядом с вами чего-нибудь вкусного. Говорят, у баронессы восхитительные булочки.

Дама в лиловом, брызжа слюной с кусками орехов на свою грудь и щеки Вивьен, ответила:

— Будофки в двугом мефте!

Дама в красном посмотрела на Вивьен сверху вниз, хмыкнула и тут же расплылась в улыбке.

— Миледи, какое необычное платье! Сами шили?

Вивьен улыбнулась ей такой же приторной улыбкой.

— Нет, миледи, это подарок вашего мужа.

Она отсалютовала ей бокалом и направилась к бутафорскому камину. Оглядела присутствующих. Герцога Дорвена среди них не увидела. Слава богам. Хоть что-то.

Возле камина мялся белокурый юноша. Он пил, морщась после каждого глотка, и то и дело дергал манжету, будто та колола запястье. Вивьен сразу его узнала — Лукас Эсбольд. Он ее, видимо, тоже — мальчишка тут же уставился в бокал, на дне которого, верно, прятался смысл жизни.

Она приблизилась и встала рядом. Юноша вздрогнул всем телом и отшатнулся. Еще чуть-чуть — и побежал бы.

— Если вы от меня так шарахаетесь, милорд, значит, вас гложет стыд. За то, что не выручили даму в беде, — сказала она негромко.

У юноши покраснели уши.

— Что ж, — Вивьен окинула его взглядом, — уже неплохо. Хотя в рыцари я бы вас все равно не посвятила.

Он открыл рот. Закрыл. Снова открыл. Набрал в рот воздуха. Глянул в толпу. Сделал большой глоток, скривился, словно проглотил уксус. На мгновение из-под манжеты выглянуло запястье, сплошь покрытое сине-багровыми подтеками. Резко дернув рукав и не проронив ни слова, он почти бегом скрылся в толпе.

«Отец где-то рядом», — догадалась Вивьен.

Его появление не заставило себя ждать. Тучная фигура графа заполнила проход, и его липкий взгляд устремился на нее.

— Милорд, — Вивьен сделала учтивый реверанс, стараясь скрыть за маской вежливости внутреннюю бурю.

Его взгляд сразу прикипел к золотой змейке на ее шее. Граф одобрительно кивнул, намеренно не замечая, что звенья кольца не полностью скрывают цепочку желтеющих синяков.

— Нравится мой подарок?

— Самое изысканное кольцо, что у меня когда-либо было. — Вивьен растянула губы в лучезарной улыбке. Вышло неубедительно.

— Ну, рад, рад, — отмахнулся он. — Напомню, жду вас в субботу. Вы уже известили графа фон Эверсберга о том, что выбрали нового... ну вы понимаете?

— Пока не удосужилась, но сообщу при первой встрече, — солгала Вивьен.

— Хотел бы я видеть рожу этого сопляка, — фыркнул Эсбольд. — Знатно же нос я натянул этому щенку.

— Чем же юный граф вас так прогневал? — не удержалась от вопроса Вивьен. Аларик всегда сторонился интриг, предпочитая карты, вино и женщин. Что эти двое могли не поделить, оставалось загадкой.

— У меня к его отцу, маркизу, было дельце. Может, слыхали про «Тени Эревайна»? Ну, что всяких магов отлавливают, с ересью борются.

— Вы их поддерживаете? — изумилась Вивьен. — Как странно. Мне казалось, вы интересовались трудами магов...

— Интересовался, конечно! Так вот и прознал, какие ужасы они с нашими умами могут сотворить. Вот то ли дело горцы — вы бы знали, сколько штук они супротив вашего брата навыдумывали. Чтоб вы не могли никого одурманить.

— Вот как? А не вы ли совсем недавно едва ли не в любви клялись эльфийской красоте?

— Ну, клялся, и что? — Граф рассмеялся. — Я и кабанчика вон жареного люблю. И что, я разве сам хочу на вертел?

— Вы говорили о фон Эверсбергах? — сменила неприятную тему Вивьен.

— Ах, да! Так вот, хотел я средств «Теням» собрать. А то мало что они могут пока. Но маркиз, невежда, не проникся. А все их семейство, знаете ли, азартное. Предлагает Альберик: поедем на охоту в Эльдренский лес. Чья сторона подстрелит больше фазанов, тот и победил. Я согласился — мы с Лукасом стреляем знатно. Альберик же скорее себе ногу прострелит, чем птице в крыло попадет. А его сын вечно пьян, в расчет я его не брал. Но Аларик явился трезвым и оказался таким метким, что в одиночку положил в свою сумку больше дичи, чем мы с сыном вдвоем. И все — маркиз меня на хер послал. А кого ж мне еще просить? Только у Дорвенов столько денег. Но их сопляк мне точно не товарищ.

— То есть вы взелись на графа за то, что он меткий? — подняла бровь Вивьен.

— Сдался мне он! Отобрал у мальчонки игрушку — вот и все, — усмехнулся граф, довольно щурясь. — Идемте, представлю вас баронессе, — Эсбольд кивнул в сторону дородной дамы в черном платье.

— Ах, какая вы красавица! Так и не скажешь, что северянка! — Баронесса тут же подхватила Вивьен под руку. Золотые окантовки колец впились в плечо — как голодные собаки в кость. — Какая жалость, что вы не на выданье! Правда ведь? Иначе мои лучшие клиенты сражались бы за ваше внимание. Ну, пойдемте, пойдемте, покажу вам рояль!

Она потащила Вивьен за собой, приговаривая:

— Обычно я прошу играть одну из девиц, невесту, что поприличнее выглядит. Но граф так вас нахваливал! Отчего же он не рассмотрит вас как избранницу для сына? Вы вроде бы вполне юна. — Баронесса придирчиво оглядела Вивьен и ахнула, прикрыв рот ладонью. — Вы, верно, без приданого? Ах, как неловко с моей стороны, вы уж простите!

Вивьен едва сдержала смехок.

— Благодарю, миледи. Но, если позволите, я предпочла бы свою лютню. — Вивьен виновато улыбнулась, прижав инструмент к груди.

— Не умеете на клавишах? Ну и чудесно! — Баронесса хлопнула в ладоши, и пухлые щеки расплылись в улыбке. — Знаете, а оно и к лучшему. Ну, что вы на женихов не метите. Приличная невеста должна знать клавиши, прясть и декламировать эльфских стишков парутройку. Культура!

Вивьен, поджав губы, погладила гриф лютни — единственное, что досталось ей от матери.

— Tholim thaur dyth lythil, naeg dûpa lye puzan faer, — произнесла она с выражением.

— Ах, как красиво! — Баронесса сложила ладони, словно для молитвы. — Что-то про цветы, да? Нежнейшие строки. Ладно-ладно, надеюсь, граф насчет вас не лукавил. Было бы

обидно. — Она нахмурилась, но тут же снова заулыбалась: — Что ж, оставлю вас! Располагайтесь!

Вивьен улыбнулась.

— Подарил бы вам эти цветы, но у вас слишком толстая жопа, — повторила она шепотом стихотворение собственного сочинения и коснулась струн.

Переливающееся меццо-сопрано поплыло над залом, повествуя о влюбленных, разлученных судьбой, которых соединила богиня Вестара, когда их чувства преодолели все преграды.

Последние ноты еще не утихли, но зал уже рукоплескал. Она подняла глаза и сразу наткнулась на него. Знакомая высокая фигура — снова в черном. Герцог Дорвен хлопал не спеша, не сводя с нее глаз, с выражением, которое она не могла разгадать.

«*Боги!*» — едва не взвыла Вивьен. — *Опять он!*»

Гости разбредались по залу, наперебой расхваливая ее голос и обсуждая трогательные моменты баллады.

— Изумительно! — Баронесса подплыла к ней, сияя, как начищенный самовар. — Буду звать вас почаще! После такого пения союзы будут заключаться сами собой!

«*Да-да, рассказывай,*» — подумала Вивьен. — *А за ужином будешь жаловаться барону, как противно дышать одним воздухом с куртизанкой.*»

Вивьен взяла бокал с ближайшего стола и прислонилась к камину. Мрамор приятно холодил спину. Вокруг матроны в пестрых платьях, как наседки, подталкивали своих чахлах дочерей к скучающим холостякам. Герцог Дорвен в центре зала едва держал оборону — улыбался, кивал, отступал, но ряды дам не редели. Менее удачливые кавалеры жались по углам, убивая время в обществе бокалов, и, судя по лицам, не слишком огорчались.

Вивьен даже чуть-чуть наслаждалась его страданиями. Краем глаза она заметила, как Эсбольд, увидев в толпе Зендара, помрачнел. Бросил сыну пару слов — и они, церемонно распрощавшись с хозяйкой, исчезли в дверях.

Сожаления баронессы длились столько, сколько требовали приличия, — едва они скрылись, она замахала веером, приглашая гостей в сад, где ждали камерный оркестр и специально сооруженная площадка для танцев. Обещали тандрель.

Вивьен бесил этот замысловатый танец с вечными перестроениями — он напоминал ей муштру, только в бальных туфлях. Участвовать в этом она не собиралась. Она допила вино, зажевала нежной булочкой с уткой и, пока все отвлеклись, направилась к выходу.

— Вы снова не здороваетесь. — Герцог бесшумно возник за спиной. — Осторожно, я мог бы решить, что вы намеренно меня избегаете.

Вивьен развернулась, торопливо проглатывая последний кусок, чтобы выдать колкость. Взгляд Зендара упал на золотую змейку у нее на шее.

— Пометил, значит, — хмыкнул он.

Вивьен наконец проглотила:

— Тоже хотите? — Она приподняла бровь. — От вас приму клеймо изумрудами.

— Камней при себе не имею, но могу предложить танец.

— Я сегодня не танцую.

— Придется.

Пародируя галантность, он протянул локоть. Вивьен оглянулась. Никто не смотрел. Она отставила лютню к камину и, вздохнув, пошла в сад к танцующим — с видом человека, согласившегося на пытку. Руку не взяла, так и оставив его локоть висеть в воздухе. Герцог усмехнулся и последовал за ней.

— Сегодня я впервые услышал ваше пение, — сказал он, поравнявшись с ней. — Думал, образ певицы — для отвода глаз, но вы и впрямь поете так... меня пробрали мурашки, клянусь. Сами сочиняете?

— Чужого не пою, — лениво бросила Вивьен.

«Чего ему надо?»

— Не ожидал, что вы такая романтическая натура. Неужели верите, что любовь все побеждает?

— Я не так глупа, герцог. Но любовь — это надежда. То, во что люди хотят верить. Чего жаждут в глубине души. Я просто даю им услышать то, что они ждут.

— Ах, цинизм. — Он улыбнулся. — Вот это уже на вас похоже.

Оркестр гремел вовсю, пары на помосте то сходились в хоровод, то рассыпались по площадке, то снова переплетались в причудливом узоре. Герцог кивнул в сторону танцующих, но Вивьен уперлась.

— Если боитесь, что нас увидят...

— Дело не в этом. — Она помялась. — Я... не умею танцевать тандрель.

Зендар моргнул. Раз. Другой. Словно проверял, не ослышался ли.

— А что умеете?

— Свиль и топотушку, — ляпнула она и сразу пожалела.

Пляска, под которую пьяные моряки в портовых кабаках ломают стулья. Если бы щеки эльфов умели краснеть — сейчас бы она зарделась. Зендар старался сохранить серьезность, но желваки подрагивали, выдавая борьбу с улыбкой.

— Значит, будет свиль.

Он махнул ей и нырнул в тенистый розарий. Когда они скрылись от чужих глаз, он взял ее за руки.

Вивьен вздрогнула. От внезапной близости по коже пробежала дрожь. Музыка отсюда была слышна плохо, ритм плыл. Она пыталась считать шаги, но сбивалась, наступила себе же на ногу и на платье.

— Правую ногу назад, — подсказал Зендар, придвигаясь ближе, чем этого требовали движения. Думать о шагах стало сложнее.

— Зачем вы здесь? — спросила она, пытаясь отвлечься.

— Как же, прием по смотру невест — и без самого завидного жениха? Не мог же я такое пропустить. — В голосе звенела откровенная насмешка. — Дядя заставил, — признался он с улыбкой.

— Ничего себе, герцог Дорвен не всемогущ? Боитесь гнева дяди?

— Признаюсь честно, герцог Дорвен еще и панически боится благородных мамаш. Отвратительные создания.

Вивьен хихикнула.

— Хуже только эти девицы. Знаете, что мне сказала леди Киара? Что я похож на статую Корвуса Объединителя и будто бы мой рот высекал сам скульптор. Боги, этих дурех учат лишь лести. Лучше бы до ста считать учили, не сбиваясь.

Четкая линия губ, мужественная челюсть — леди Киара не врала. Вивьен заставила себя смотреть в пол и считать шаги. Нельзя, чтобы он заметил. Он и без того невыносимо высокомерен — наверняка привык, что женщины млеют от одного его вида. Не хватало еще пополнить их ряды.

— Герцог, скажите, у вас было ко мне дело или вы просто хотели поплакаться о надоедливых невестах?

— Хотите оставить светскую болтовню? — Его взгляд скользнул по ее лицу и нырнул в самую глубину зрачков. — Как ваши успехи? Уже нашли тайник Эсбольда?

— А вы, я смотрю, занервничали. — Она улыбнулась — идеально, отрепетированно. — Боитесь никогда не увидеть возжеланные письма?

Он резко крутанул ее за руку. Вивьен сделала оборот, едва успев переставить ноги, и снова оказалась с ним лицом к лицу — слишком близко.

— Бросьте эту затею, — почти шепнул он. — Я люблю игры, но вы проиграете.

Она сглотнула. В его взгляде было что-то, от чего захотелось сделать шаг назад. Но танец не позволял.

— Куда уж мне, ваша светлость. Вы наверняка уже нашли вора поопытнее. — Она выдавила улыбку. — Ведь поэтому вы и крутитесь вокруг меня весь вечер?

— Вам очень идет это колье, — ехидно заметил герцог. — Простите мое любопытство: граф уже презентовал вам кружева? Или это удовольствие еще впереди?

— А что, ваша светлость, — она подалась вперед, переходя на шепот. — Хотите взглянуть на примерку?

Он рассмеялся — коротко, хрипло. Сделал вдох — и лицо снова стало непроницаемым. Отпустив ее, он отошел к кустам роз. В темноте они казались черными провалами в листе.

— Вы знали, что в пустыне растут черные розы? — спросил он негромко, срывая одну. Поднес к лицу, вдохнул — или сделал вид. В темноте цветок был почти невидим, только смутный силуэт на фоне его пальцев. — У пустынного народа есть поверье. Сорвешь розу пустыни — умрешь.

Вивьен молчала. Его голос в темноте звучал иначе — глубже, почти потусторонне.

— Раньше в Идвании был такой обычай, — продолжил он, не глядя на нее. — Когда кто-то замыслил убийство, жертве оставляли черную розу. Чтобы человек знал: он следующий.

Он повернулся и шагнул к ней. Вивьен задержала дыхание.

— Глупый обычай, — выдохнула она, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Даешь врагу время сбежать.

— Согласен. — Зендар усмехнулся, но усмешка вышла невеселой. — Говорят, так Дорвены и пришли к власти. Они не любили цветов.

Он шагнул еще ближе — вплотную. Вивьен не шевельнулась. Его пальцы коснулись ее волос, он продел в них розу — медленно, едва дотрагиваясь.

— Вы мне угрожаете, ваша светлость?

— Напротив. — Зендар помолчал. — Не часто я хочу кому-то помочь. Что ж, будет мне уроком.

Не оборачиваясь, он пошел к выходу. Вивьен открыла рот — и захлопнула. Ладонь сжалась в кулак.

— Ваша светлость! — окликнула она.

Он замер, но не обернулся.

— Если бы я вам поверила, вы бы сами во мне разочаровались. — Она развела руками. — Вы не из тех, кто делает что-то просто так.

— Я бы придумал, чем можно отплатить.

— Вот это меня и пугает.

Вечером следующего дня Вивьен, закутавшись в плащ, вновь спустилась в Нижний город. Затея была дурацкая: ночные улицы здесь опаснее тракта, кишашего оскверненными тварями. Кошель с золотом на поясе позвякивал в такт шагам — как похоронный марш.

Она хотела прийти сюда днем, но снова вмешался Эсбольд — прислал карету к салону модистки Эллен. Там с Вивьен полдня снимали мерки, вертели и крутили, прикидывали кружева. Граф заказал белье.

Вивьен поморщилась, перепрыгивая лужу.

Подарок, в котором она выглядела как паучиха в брачный период — громоздко, нелепо, с беспомощно свисающим кружевным коконом между ног. Надеть на нее он это сможет, только если четвертует.

Сперва худшим, что ей встретилось, были крысы — одна даже цапнула за сапог, но не прокусила крепкую лосиную кожу. Однако возле сточной ямы, где то и дело тонули местные пьяницы, к ней пристал один из тех, кто еще держался на ногах. Мыча себе под нос и пытаясь свистеть, он поплелся следом. Вивьен ускорила шаг, но незнакомец, вопреки законам природы, быстро перебирал ватными ногами.

Почти перейдя на бег, Вивьен юркнула в темный проулок. Замедлила шаг — казалось, пьяница ее упустил: его хриплые вопли «Эй, краля, стой!» теперь доносились с соседней улицы. Но не успела она перевести дыхание, как в просвете между трущобами мелькнула тень. Без фонарей было почти ничего не разглядеть, но в руке незнакомца что-то сверкнуло. Во рту мгновенно пересохло.

«Ничего, если подойдет — очарую».

Фигура надвигалась, и в свете редких звезд Вивьен узнала миниатюрный силуэт в темном плаще. Она видела его уже не раз. Дрейлит. Без лишних раздумий Вивьен бросилась бежать.

Спотыкаясь о груды мусора, чавкая грязью и перепрыгивая через крыс размером с комнатных собачек, Вивьен бежала, петляя от улочки к улочке. Останавливалась лишь на мгновения — переждать, пока перестанет колоть в бок. Легкие горели, воздуха не хватало. Каждый вдох вызывал тошноту: Нижний город пропах отбросами. Но запах смерти был страшнее. Слыша за спиной шаги, она заставляла себя бежать дальше.

Впереди наконец показалась небольшая рыночная площадь.

Перебегая между грязными рядами, она врзалась в старуху — у той из рук выпали бутылки с мутными зельями. Под крик торговли едва не сбила безделушки с прилавка одноглазого громилы. Огибая прилавки, добралась до лавки под криво висящей вывеской «Ржавый гвоздь». Тяжелая дверь со скрипом поддалась, заставив звенеть колокольчики над входом.

Страх постепенно отступал, сменяясь волной адреналина. Вивьен расхохоталась — нервно, с облегчением. Она не сгнула в грязном переулке.

«Еще поживем».

Внутри лавка напоминала логово сумасшедшей старьевщицы. Ящики с гвоздями, ржавыми скобами и непонятными железками громоздились прямо на полу, перекрывая проход. За прилавком красовались тесаки — от крошечных, с ладонь, до огромных, которые двумя руками не поднять. Под ними, сброшенные в кучу, валялись кипы веревок — новые, старые, гнилые, смоленные — на любой вкус.

Непосвященный решил бы, что это просто склад хлама. Свалка, куда приносят все, что жалко выбросить. Но Вивьен знала: это лишь фасад. Если знать нужные слова, здесь можно достать все что угодно.

От нечего делать она взяла с прилавка веревку и стала лениво наматывать ее на палец. В этот миг из-за занавески выскользнула хозяйка — Евельда.

— Намедни на такой один из ваших удавился, — сипло подметила она, кивнув на веревку. — Нужна? Крепкая, не порвется.

— Учу на будущее, — отозвалась Вивьен, разглядывая Евельду.

Она возвышалась над Вивьен на головы полторы — грузная, крепко сбитая. Кожа — землисто-серая, в черных пятнах, словно через них наружу рвалась тьма. Глаза, почти черные, без белков, без зрачков, смотрели в упор, не мигая. В них не было души. Волосы сбриты под ноль. Говорили, после того, что с ней случилось, они росли только клочками — и она решила не мучиться.

А самой страшной была ее щека — вернее, ее отсутствие. Сбоку у Евельды зияла дыра, и сквозь нее виднелись клык и соседние зубы. Щеки она лишилась там же — в Оскверненных землях.

Смотря на нее, Вивьен подумала, что веревка бы ей пригодилась, если бы она стала выглядеть так.

— Что, из Верхнего погнали вшивыми тряпками? — проскрипела Евельда.

— Обижаешь, — фальшиво улыбнулась Вивьен. — Пляшу на балах. Граф обожает. Знатные от меня в восторге!

— Ох, и заливаешь ты, ушастая, — Евельда пригрозила огромным пальцем. — Кому ты там нахер сдалась? Поиграются — и на плаху. За воровство или колдовство.

Вивьен сглотнула.

Роза. Сухая, почерневшая, она все еще лежала на подоконнике в ее спальне. Она не смогла ее выбросить. Рука не поднималась. Страшно? Нет. Просто как-то не хотелось.

— А у меня есть выбор? — проворчала она.

— Говорила я Квиллу, затея его — дерьмище сраное. Но ему в башку дурную как втемяшится... И ты туда же — ну дура душой. «Балы, графья» — тьфу! — Евельда сплюнула на пол через дырку в щеке. — Слыхала я такие сказки.

— Хватит бухтеть. — Вивьен бросила на прилавок кошель. — Передашь?

— Куда ж я денусь! Сколько?

— Сама считай.

Вивьен скрестила руки на груди. Евельда глянула на нее исподлобья — так, что по спине пробежал холодок.

— Три тысячи золотых, — сдалась Вивьен. — Больше нет. Скажи ему: граф уехал. Мне нужно еще время.

Евельда взвесила кошель рукой, слегка встряхнула и упрятала под прилавок.

— Ты это... не тяни. Приходил он давеча — пол-лавки разнес. Вopil, как черт. Еще месяцок — и не откупишься. Дела у «ворон» без тебя швах. Одноглазка-то купцов обчищать не может — рожа не та. Мужики не ведутся. Мелочевкой перебиваются.

— Мне какое дело, — отмахнулась Вивьен. — Он обещал: сделаю — отпустит.

— И ты, дурная башка, веришь?

— Нет.

Она помолчала, переступила с ноги на ногу.

— Отмычку дай.

Евельда ощерилась, обнажая клыки.

— Вот это разговор! Какой замок щелкать будем?

— Пока не знаю. Давай ту самую — как веер. Чтобы сама слабое место нашла.

Евельда скрылась за дверью. Несмотря на громоздкую фигуру, слишком большую для тесной лавки, двигалась она с кошачьей ловкостью.

— Ты Люциса-то встречала? — донеслось из-за двери.

Вивьен положила руки на прилавок и уставилась на пальцы. В лавке стало тихо.

— Как он? — спросила наконец она, не поднимая глаз.

— Пьет. — Евельда появилась в проеме с отмычкой в руках. — Но очухается. Понимает все пацан. Сама б ты на графскую перину не прыгнула. Как работает, знаешь?

Вивьен кивнула и потянулась к отмычке.

— Лапы убери! Сначала плати, — строго цыкнула Евельда и шлепнула ее по пальцам. — Две тыщи с полтиной. Золотых.

— Сколько?!

— Не ори! Цены не видала, что ли? Вон буханка уже пять веларов! Ремень наемни покупала, так Серхио, свиное рыло, двести пятьдесят с меня содрал, паршивец поганый!

— Ладно-ладно, поняла, — Вивьен вздохнула, доставая второй кошель. — Тут больше. Остальное Люцису.

— Монеты ему сердце склеят? — хмыкнула Евельда. — Ну, хоть самогоном подороже опьется. А то совсем раскис, бедолага.

Вивьен спрянула отмычку за пазуху и шагнула к выходу, как вдруг заметила за окном, в тени у крайнего прилавка, одинокую фигуру в длинном плаще.

«Опять она!»

— Кажется, у меня неприятности. — Вивьен отошла от окна и глянула краем глаза из-за занавески. — Я... могу остаться до утра?

Она спустилась в подвал — в нем было сыро и темно, — на ощупь отыскивала койку. Матрас, набитый соломой, был жестким, а сама кровать такая узкая, что даже ее худощавому телу было тесно. Хотелось укрыться — но нечем, пришлось просто поджать ноги. Она свернулась баранкой и уставилась в темноту, слушая, как что-то капает с потолка.

Чего ей надо? Кому понадобилось ее убивать? Угрожать — да, это она понимала. Следить — тоже. Но убить? За что?

Она перебирала всех, кому могла перейти дорогу. Всем им что-то от нее нужно. По крайней мере, она в это верила. А может, дрейлитка и не хочет ее убить? Может, с ней поговорить?

Вивьен не успела найти ответ — провалилась в сон, в котором ее ждали лишь кошмары.

Рыжий веснушчатый кучер распахнул перед Вивьен дверцу — его огненные кудри развевались на ветру на фоне мрачного особняка Эсбольда. Со стороны казалось, что языки пламени уже лижут серые стены, пожирают их заживо. Вивьен улыбнулась. Хороший знак.

В этот раз все пойдет иначе — она была уверена.

Граф, конечно, начнет с вина или настойки. Она уже представляла, как будет улыбаться, отводить бокалы, делать вид, что пьет. Отработанный прием. Ни разу не подводил.

Когда он вошел в гостиную, она уже стояла в глубоком реверансе, опустив ресницы.

— Брось, — отмахнулся Каэл, довольно потирая руки. — Церемонии эти ни к чему! Уши еще упрятала? Да показывай, мы ж свои. Ты баба неглупая — все поняла. Чего тянуть? — Он шлепнул ее по ягодицам. — Пойдем в мои покои.

Она заставила себя улыбнуться. Отработанно, как сотни раз до этого. Вложила ладонь в его потную руку и позволила вести себя.

Спальня оказалась огромной — и душной. Казалось, здесь никогда не открывали окон. Ковры, драпировки, шкуры, меха на северный манер — она никогда не видела столько шерсти в одном месте. Тяжелые портьеры глушили даже намек на свет.

Огромная кровать с вычурной позолоченной спинкой занимала полкомнаты. Рядом — дубовый стол с серебряным кувшином и двумя бокалами. Приготовился, значит.

Эсбольд грузно осел на ложе, похлопал по шелку рядом с собой.

— Лорд... — Вивьен запнулась, исправилась: — Каэл. Раз уж мы без титулов... — Она шагнула ближе. — Позволь мне поухаживать за тобой.

Она коснулась его морщинистой щеки — на ощупь как кожа вареной курицы. Старик дернулся как от кипятка, но затем прильнул к ее ладони.

— То, что я хочу сделать... — Вивьен опустила глаза и хихикнула, накручивая локон на палец, — мне даже говорить стыдно. Ты не против, если я налью нам вина? Чтобы смелости набраться.

— Вот это я понимаю! Вивьен, а ты, оказывается, развратница! Надеюсь, на тебе то самое кружево, что я заказывал?

Вивьен чуть не скривилась, но милая, открытая улыбка не сошла с лица. Подойдя к столу, она налила вина, быстро плеснув в бокал графа прозрачную жидкость.

— Ты что?! — взревел Эсбольд. — Яду мне подсыпала?

Она обернулась плавно, как кошка. Прищурилась, глядя на него из-под ресниц.

— Это... поможет тебе. Эльфийское снадобье для твоей... — она задержала взгляд в области его паха, — небольшой трудности.

Граф смерил ее недоверчивым взглядом.

— Только после тебя, дорогая.

Вивьен взяла бокал. Рука не дрогнула. Сделала небольшой глоток.

— До дна, — не отрываясь, смотрел он.

Она встретила его взгляд, подняла бокал — и осушила. Поставила на стол с легким стуком.

— Доволен? — Ладонь легла ему на грудь. — Теперь твой черед. Потому что я за себя уже не ручаюсь.

Граф облизнул губы, махом допил вино и потянулся к ней — но она увернулась.

— Ему нужно время, — шепнула она, отступая к лютне. — Давай я пока спою. Меня учили одной песне... она разжигает страсть.

Она заиграла монотонную мелодию, тягучую, обволакивающую. Музыка усыпляла, вгоняла в дремоту. Нити магии вплетались в расслабленное сознание, навевая ему умиротворение, от которого хотелось закрыть глаза и ни о чем не думать.

Граф боролся. Моргал, тряс головой, открывал рот, но веки тяжелели с каждой нотой. А потом — затих.

Вивьен подняла глаза. Он уже храпел, раскинувшись на кровати как рыба, выброшенная на берег.

Lythil dyrveth sylthar — цветок темной надежды. Без вкуса, без запаха, без цвета, зато с сильнейшим снотворным действием. Эльфы веками питались его корнями в голодные годы.

Дождавшись, пока храп графа не стал ровным и громким, как барабанная дробь на казни, она бесшумно оставила лютню, вытащила из его камзола ключи от кабинета и на цыпочках пересекла спальню, стараясь не споткнуться о шкуры на полу. В коридоре — ни души. Не слышно даже голосов прислуги — дом словно уснул вместе с хозяином.

Она скользнула к кабинету. Замок тихо скрипнул. Запах табака ударил так, что заслезилась глаза. Прикрыв лицо рукой, Вивьен чихнула — почти бесшумно.

Она ринулась к тайнику, но вдруг ее осенило. Шкаф был слишком чистым — его явно бережно хранили. Может, в нем что-то важное? А вдруг письма там? Тогда и не придется возиться с отмычкой. Она отщелкнула застёжку дверцы.

В шкафу было не лучше, чем в кабинете — тот же бардак, те же завалы. Но несколько полок с картами выделялись пугающей аккуратностью. Каждый свиток лежал ровно, на своем месте, будто их пересчитывали каждый вечер.

Вивьен схватила один, развернула — ландшафты Лиги. Ничего. Под ним — еще один. То же самое. Под остальными — только пыль.

Взгляд упал ниже — на дно шкафа. В уголках дерево было затерто, поцарапано. Словно его чем-то поддевали — много раз. Двойное дно!

Она попыталась поддеть отмычкой — та не пролезла. Слишком узкая щель. Вивьен пробежала глазами по комнате. Что-то тонкое, прочное...

Взглядом окинула стол: пожелтевшие счета, рисунки графа — все не то. В углу — подсвечник в форме трезубца, с драконьими головами на концах. Она примерилась — нет, не подойдет. Присмотрелась — в основании ковка: тонкая проволока, витая. Можно оторвать.

«Да простят меня мастера», — подумала она, и, намотав проволоку на палец, рванула.

Согнула ее, сделала крючок, сунула в щель и потянула. Дно приподнялось.

Бутылки. Вивьен чуть не зарычала от злости. Целая куча пузырьков — полупустых, почти полных, с мутной жидкостью, от одного вида которой хотелось брезгливо поморщиться. Она потянулась было к одному, но передумала. Нюхать эту гадость? Ну уж нет.

Под бутылками — куча бумаг. Она принялась перебирать: дозы, пропорции, какие-то записи. Рецепты — старые, пожелтевшие, почти рассыпающиеся. Лорд Эсбольд. Леди Эсбольд. Для леди рецепты обрывались лет семь назад, для него — продолжались.

А вот этот был совсем свежий. 1576 год. Два месяца назад.

— Гнойные выделения не прекратились.

Вивьен сглотнула. Строчки прыгали перед глазами, расплывались, но смысл бил в голову, как меч рыцаря.

«Так вот почему... — горло сдавило. — Знал. Он знал, что заражен. И все равно...»

Она зажмурилась, отгоняя картинку. Его зубы. Его запах. Его...

Листок исчез в декольте быстрее, чем она успела додумать мысль.

Но писем здесь не было.

Зря надеялась. Придется лезть в тайник.

Она метнулась к карте, аккуратно сняла ее с крюков, главное — не порвать. Прислонила к стене и взглянулась в замок. Обычный с виду, но внутри — целая система пружин. Хитро.

Сунула отмычку в скважину — та раскрылась веером, нащупывая каждую пружинку. Вивьен почти не дышала. Чуть-чуть... еще чуть-чуть...

Сзади скрипнула дверь. Вивьен обернулась так резко, что шею прострелило болью. На пороге стояла служанка — сухая, как вобла, старуха с седыми волосами, стянутыми в тугий узел. Костлявые руки сжимали металлический поднос.

— Господин... — начала она и осеклась. — Ах! Миледи, что вы здесь делаете?

Вивьен аккуратно опустила отмычку, поднялась и поправила платье. Улыбнулась — само очарование.

«Как ее звали? Граф говорил... Мари? Марта? Черт!»

— Мэри! — выпалила она, молясь Сериссе, чтобы угадать. — Вы ведь Мэри, да?

Служанка моргнула. Не поправила. Значит, угадала.

— Прошу прощения, — Вивьен шагнула вперед, загораживая тайник спиной. — Граф, должно быть, забыл предупредить. Он попросил найти одну бумагу и принести в спальню.

— Сам ключ-то дал? — Служанка сощурилась и сжала губы в ниточку. — Барышня, не морочьте мне голову! Покойной-то госпоже — и той сюда ходу не было. Я сейчас же позову стражу!

Она развернулась к двери, но Вивьен метнулась к ней, схватив за костлявые запястья.

— Тише! — И вместе с голосом к старухе потянулись нити магии. — Не надо шума. Все хорошо. Вы спокойны.

Доверие. Расслабленность. Нити плавно вплетались в ее сознание. Лицо служанки стало мягче, проглянула улыбка.

Вивьен, не теряя ни секунды, расстегнула брошь — ту самую, с бриллиантами, что украла у графини д'Эстель — и вложила в сухую, узловатую ладонь. Золото вспыхнуло в свете свечей.

— Этого хватит, чтобы вам никогда больше не пришлось прислуживать. Всего полчаса — и я исчезну.

Служанка смотрела на брошь. Долго. Дернула губой, кивнула и, не сказав ни слова, исчезла, гремя подносом.

Вивьен выдохнула и торопливо вернулась к тайнику. Ковырялась в нем долго, пока из замка не донесся шелчок. Дверца дрогнула и медленно отъехала в сторону. Сердце ухнуло куда-то вниз и забилось часто-часто.

Получилось.

Она запустила руку внутрь, выгребла кипу бумаг и принялась перебирать их.

— Кто там нужен был герцогу? Совет Хранителей. Где же вы, советчики? Письма от Мак-Кайрна — оно! Берем. Лорды Рубежа... помнить бы их всех. Не то. Снова не то. О, Вальтур! Усатый, краснорожий, он точно был из Тарна! Кто еще...

Раздался грохот. Дверь с силой распахнулась, ударившись о стену. На пороге возник Лукас Эсбольд. Высокий, но еще не окрепший — мальчишка, но сейчас он пытался казаться мужчиной.

— Мэри сказала, — голос юноши дрогнул, но он взял себя в руки и придал себе строгий вид, сузив голубые глаза, — что девушка неземной красоты даровала ей свободу. Я сразу подумал про вас.

«Не заикается. Совсем. Интересно», — отметила Вивьен.

Она поднялась, отложила письма в сторону — прятать их было бессмысленно. Он уже все видел.

Она смотрела на него молча, внимательно, изучающе. Лукас стушевался под этим взглядом, но не отступил — даже подбородок чуть приподнял.

— Какая глупость — пытаться подкупить бывшую кормилицу моего отца, — в голосе, под напускной насмешкой, явно сквозила тревога. — Кто вы и что здесь забыли?

«В прошлый раз он дрожал и трясся. Значит, меня не боится — только отца»

Вивьен рассматривала его, пытаясь решить, что ей делать. И тут она поймала себя на мысли, которая совсем не помогала делу.

«Насколько же он красивый — явно не в графа».

Она тряхнула головой, отгоняя лишнее. Зендар предупреждал: ни в коем случае не попадаться на глаза сыну графа. Но знал ли Зендар Лукаса? Видел ли его лицо? Его глаза?

А она видела.

Совершенно неожиданно для себя она приняла решение, не свойственное ее натуре — сказать правду.

— Вы — сын лорда Эсбольда. Лукас, да? Вы до боли похожи на мать.

Юноша дернулся, будто получил пощечину.

— Откуда вы... Я позову стражу!

— Не надо. — Вивьен шагнула к нему, но остановилась, видя, как он напрягся. — Меня зовут Вивьен. Я певица. Неделью назад я была здесь... Вы смутились тогда, хотели мне помочь. Дайте мне две минуты. Умоляю. Я все объясню.

— Я слушаю, — прошипел он, скрестив руки на груди. Глаза его бегали по кабинету, не задерживаясь на ней.

— Вы любите отца, милорд, — сказала она. — Я понимаю. Но поверьте, он — не тот, кем кажется. В прошлый раз он пригласил меня спеть. А потом... Вы все видели. Вы спасли меня.

Она сделала паузу — он молчал. Только желваки заходили под кожей.

— Он пытался взять меня силой.

Юноша закрыл глаза — на секунду. Потом открыл и уставился в шкаф.

— А теперь он шантажирует меня. Требуется, чтобы я ублажала его. Иначе — «Тени».

Лукас поднес палец к губам и начал грызть ноготь.

— Десять лет назад он сделал то же самое с другой девушкой. Уничтожил ее репутацию, и семья сослала ее в Элетерию. Я хочу, чтобы это прекратилось.

В комнате повисло молчание. Вивьен, не шевелясь, смотрела, как меняется его лицо.

— Десять лет назад? — Голос у него сел. — Десять лет назад моя мать была еще жива. Прикована к постели, но жива. — Он резко повернулся к ней — впервые набрался смелости взглянуть в глаза. — Вы уверены?

Вивьен кивнула, не отрывая взгляда.

— Как ее звали?

— Самира, милорд. Самира Дорвен.

— Которую...

Лукас отвернулся к окну, плечи вздернулись. Он не знал куда деть свои руки — скрещивал, пихал в карманы камзола то одну, то другую, наконец просто опустил их вдоль тела.

— Почему я должен вам верить?

— Вы не должны. — Вивьен шагнула ближе. — Но я могу доказать, что ваш отец замешан в делах похуже, чем волочиться за певичками. — Она помолчала, глядя ему в спину. — Если вы дадите мне забрать эти письма.

Лукас не обернулся.

— Похуже?

— Боюсь, что да, милорд. — Вивьен сжала в кулак оборку платья. — Вы знаете, что ваш отец воюет с горцами. Так вот... я думаю, он замышляет нечто... ужасное...

Она запнулась — не придумала, что соврать дальше. Прикусила губу. Вышло фальшиво — она и сама это почувствовала. Лукас стоял молча и неподвижно, пытаясь удержать на месте руки.

— Вы и сами знаете, каков он, — добавила Вивьен уже тише. — Не понаслышке. — Она перевела взгляд на его рукава. — Я видела ваши запястья.

Он дернулся как от розги. Рванул манжеты вниз, спрятал кисти, сжал их в кулаки — наконец-то нашел применение.

— Делайте что хотите. Но... я тоже буду читать. — Он попытался нахмурить брови, как отец. — И если это ложь — я лично передам вас страже. Вас будут судить за клевету и воровство.

Вивьен сглотнула. Зендар предупреждал: не читать письма. Но кто он такой, чтоб указывать? Она опустила на пол и вскрыла первый конверт.

— От Вальтура. — Вивьен пробежала глазами по строчкам. — «Мы потеряли Дуу...» Извините, не знаю, как прочитать... так... «Терпим поражение у Балгорна. Когда придут ваши войска?» — Она поморщилась. — Это не то.

Лукас нетерпеливо переступил с ноги на ногу и покосился на дверь.

— Поторопитесь. Отец может вернуться.

— Вряд ли, — фыркнула Вивьен и, заметив его недоумение, добавила: — Он... крепко уснул. Напился.

Лукас вздохнул.

— После... после смерти матушки он часто... — начал он и осекся. Видимо, вспомнил, с кем говорит. Нахмурился — снова стал «сыном графа». — Что там дальше?

Вивьен взяла следующий конверт.

— От Мак-Кайрна. «Если ваши солдаты застряли на перевале Слез — найдите других...»

— Перевал Слез? — перебил Лукас. — Странно. Лето же. Снега там выпадают не раньше сентября. С чего бы им там застрять?

— Я только читаю, что написано, милорд. — Вивьен продолжила: — «Без вас Балгорн не взять... Если горцы его отобьют, король обещал отсечь нам...» — Она скривилась и отложила письмо. — Дальше, с вашего позволения, не буду.

Лукас молча протянул ей другой конверт. Дорогая бумага, с остатками королевского сургуча.

— Кардинал Орваль, но от имени короля. Тоже обвиняет отца. Говорит, из-за него потеряли Балгорн. — Лукас посмотрел на нее с недоверием. — Так это то... ужасное, о чем вы говорили? Что люди отца не перерезали горцев?

«Откуда я знаю? Во что я влезла? И герцог этот еще... ничего не сказал!»

— Нет-нет, милорд. — сказала она вслух. — Тут должно быть что-то еще.

Она судорожно перебирала письма и наткнулась на интересный конверт — с виду обычный, но буквы... Странные, квадратные, рубленные.

«Где-то я уже это видела».

Карта. Та самая, что Эсбольд выменял у горца. Те же значки.

Он переписывался с горцами?

— Милорд... — Вивьен подняла глаза на Лукаса. Голос ее звучал почти невинно — она и сама удивилась, как легко это получилось. — Станный вопрос, но... ваш отец случайно не знает тор'зех?

— Тор'зех? — Он даже слегка выпрямился. — Язык горцев? Конечно знает. И я тоже. — Щеки его слегка порозовели от гордости. — У меня даже учитель был, дядюшка Казгор. Настоящий горец.

Вивьен протянула ему письмо.

— Тогда читайте вы.

Лукас расправил его на весу, стараясь выглядеть значительным. Нахмурился, всмотрелся.

— Тут говорится... — Он запнулся, пошевелил губами. — Горцы, кажется, обещали что-то отцу, но теперь ждут... Минутку, забыл это слово...

Лукас почесал затылок, облизнулся, снова уставился в буквы.

— Если я правильно понял, отец отправил армию... горцам. А они ему обещали... — он ткнул пальцем в символ, — это значит «место для жизни», — перевел палец ниже, — но вот это... этого быть не может.

Он поднял на Вивьен глаза — в них было недоумение пополам с испугом.

— Я не понимаю, милорд.

Лукас ткнул в несколько квадратов так сильно, аж лист помял.

— Это слово значит «драконы». Место, где живут драконы. Чушь какая-то.

«А если не чушь?»

Если горцы действительно нашли драконов?

Лукас нахмурился. Перечитал письмо еще раз. Потом еще. Лицо его изменилось.

— Это... — он откашлялся. — Это то ужасное, о чем вы говорили? Мой отец... — он сглотнул. — Мой отец — предатель? Он отправил армию врагу, чтобы найти драконов?

Руки Лукаса затряслись. Лист выскользнул и упал на пол, но он даже не заметил. Дышал он тяжело, часто, со свистом — будто воздух в комнате вдруг кончился.

— Если он... — Голос срывался. — Тогда... А мы... Я...

— Успокойтесь, милорд. — Вивьен потянулась к нему — и вместе с голосом к его сознанию потянулись нити магии. — Успокойтесь. Мы все узнаем. Все будет хорошо.

— Я должен пойти к нему! — выкрикнул он, не слушая. — Мой отец — не предатель! Здесь ошибка! Я...

Он моргал часто-часто, хватал ртом воздух. Вивьен пыталась вплести в это мечущееся сознание спокойствие, но нити скользили, путались, рвались. Он был слишком напуган. Страх заполнил его целиком — и не оставил места ни для чего другого.

Вивьен отступила.

Что делать? Дать воды? Подождать? А если сбегутся слуги? Если он побежит к отцу? Тогда она никогда отсюда не выйдет. Дерьмо.

Она посмотрела на стол. На подсвечник.

— Я пойду к нему! — пробормотал Лукас. — Это ошибка! Я должен...

Взяла в руки. Примерилась — тяжелый. В самый раз.

Замах — удар.

Лукас рухнул на пол, не успев даже вскрикнуть. Позолоченная голова дракона впечаталась ему прямо в висок. Вивьен перешагнула через него, склонилась, тронула шею. Проверила пульс — жив.

«Слава богам», — выдохнула она.

В отвороте камзола блеснуло. Брошь графини. Ее брошь. Вивьен выдернула ее и приколотла обратно к платью.

Письма — в декольте. Остальное — в тайник. Закрыла быстро, аккуратно, чтобы не оставить следов. Вытерла кровь на подсвечнике и вернула его на место.

Лукас лежал на полу, по виску текла тонкая струйка крови. Вивьен взяла с кресла маленькую подушку и сунула ему под голову. Выпрямилась и не оглядываясь вышла.

«Забрать лютню из спальни и бежать. Как можно дальше».

Вивьен почти бежала к карете. Не оглядывалась. В ушах гудело, руки тряслись — как будто она трое суток пила не просыхая.

Жив. Точно жив. Уже что-то.

Она вцепилась в дверцу кареты и перевела дыхание.

Интересно, какое наказание за попытку убить лорда? А если не лорда, а только его сына? Хотя какая разница: сын лорда — это тоже, наверное, плаха.

Она велела везти ее домой и откинулась на сиденье. За окном тянулись поля, редкие деревья, вдали темнел Эльдренский лес.

Может, он бы не сдал? Может, успокоился бы? Может...

Она мотнула головой. Поздно.

Карета выехала на прибрежную дорогу, что огибала Нижний город. Море, ветер, простор. Любимый вид. Вивьен смотрела на волны и думала: надо бежать. Другого выхода нет. Но куда?

В Идранию? Герцог говорил, там эльфов не трогают. Даже работать можно. А может, в Аэриндэйл, к эльфам? Там хотя бы она будет среди своих. Ну, почти.

Как туда добраться? Она никогда не покидала Велархейма. Как люди путешествуют? Плывут на судне? Нанимают карету? А как проехать через Оскверненные земли?

Надо спросить у Евельды. Нет, нельзя. Евельда расскажет Квиллу. А если Квилл узнает, что она пытается бежать — он ее убьет сам. Раньше, чем стража. Но и без Квилла...

Карета свернула. Улицы поползли в стороны, сужаясь, темнея, сжимаясь вокруг нее, как удавка.

— Эй, — окликнула она возницу. — Нам в Пряничный переулок.

Карета не остановилась. Может, этот путь короче? Вивьен откинулась обратно. Волосы у кучера были черные — как угли.

«Сожгли не особняк, а мои надежды», — невесело усмехнулась Вивьен про себя.

Стоп. Что?

Кто это?

Она присмотрелась. Видно было только его профиль, но это очевидно был не ее кучер. Никаких веснушек. Черные волосы. Его рука, держащая поводья, была смуглой, с южным заггаром.

«Вот дерьмо».

— Кто вы? — крикнула она. — Куда вы меня везете?

Незнакомец осадил лошадей. Спрыгнул с козел, не спеша — он никуда не торопился. Распахнул дверцу и швырнул ей холщовый мешок. Тот шлепнулся на сиденье рядом.

— Письма, — сказал он и протянул руку.

— Что происходит? — Вивьен вжалась в сиденье. Ладони мгновенно вспотели.

— Письма. Давай сюда. — Он даже не смотрел на нее. — Не заставляй угрожать.

— Нет.

Он повернул голову. Посмотрел на нее впервые — и ей захотелось провалиться под сиденье.

В его глазах не было ничего. Ни злости, ни раздражения, ни даже скуки. Пусто. Карие, почти черные, они смотрели на нее и не моргали. Ее ответ его не удивил.

«А если плюнуть в него? Или пнуть? Он так и будет тарачиться?»

Она крепко вцепилась в лютню, прижав ее к груди. Там, в чехле, — все, ради чего она рисковала. Она не отдаст.

Мужчина шагнул в карету, выдрал чехол одним движением — даже не заметил сопротивление, только мускулы на руках слегка дрогнули. Проверил — письма на месте.

— Переоденься. — Он кивнул на мешок. — Вздумаешь сбежать — сломаю ноги.

Захлопнув дверцу, он вернулся на козлы.

Вивьен не шевелилась. Смотрела в окно, пытаясь запомнить дорогу. Нижний город — это точно, но не самая вонючая его часть. Ближе к Среднему, может, даже граница.

Карета остановилась у трактира. Вивьен поняла это по двум пьянчугам, которые вывалились из дверей, вцепившись друг другу в черные волосы, и рухнули в грязь у самых колес. Никакой вывески. Только обшарпанная деревянная дверь.

Тот, кто притворялся кучером, распахнул дверцу.

— Я же сказал: переоденься, — прошипел он сквозь зубы. — Пять минут. Или я стяну это тряпье сам.

Вивьен вытряхнула мешок. Черные портки, плащ — ткань плотная, но тянущаяся.

«По крайней мере, бежать в этом можно», — подумала она.

И сделала ровно это, едва ступив из кареты.

Мужчина даже бровью не повел. Рука перехватила ее локоть, дернула назад и скрутила — все в одно движение.

— Сказал же, — выдохнул он ей на ухо. — Ноги переломаю.

— Я закричу! — пригрозила Вивьен, потирая запястье.

— И кто бросится эльфу на помощь? — усмехнулся он. — Не дури. За мной.

Вивьен медлила, шла маленькими шагами, осматривалась. Рядом — люк. Отлично. Можно прыгнуть в катакомбы. Или канализацию. И уйти. Может, даже до Пряничного переулка добраться? Она сморщилась. Мысль о том, что придется лезть в это дерьмо, не прельщала.

Внутри пахло перегаром и жареной рыбой. За стойкой хозяин лениво тер кружки, отмахиваясь от лезущих в рот черных прядей, и слушал какого-то загорелого рыцаря, видимо, проезжего — тот размахивал руками, расплескивая эль.

Вивьен оглядела зал.

Обычные завсегдатаи. Обычная одежда. Пьют, беседуют, спорят. Но что-то было не так. Она смотрела, пытаясь понять, и не могла. Может, показалось?

Мужчина поднялся по лестнице, не оборачиваясь. Вивьен шла за ним, считая ступени. Он остановился у второй двери и трижды прерывисто постучал. Щелкнул засов. На пороге стоял герцог Дорвен.

— А, Феррук. Ждал.

Он посторонился, пропуская их в комнату. Вивьен замерла на пороге.

Комната была крохотной, с закопченным окном, из которого не было видно улицы. Стол весь в кругах от кружек — они накладывались друг на друга, как годовые кольца старого дерева.

Феррук втолкнул ее внутрь и встал у двери, вытянувшись, как струна. Зендар кивнул. Наемник положил письма на стол и вышел, даже не взглянув. Дверь щелкнула.

Вивьен осмотрелась. Деревянный шкаф, два стула, узкая кровать — застелена наспех, сверху брошены вещи. На столе чернильница и бумаги — дорогие бумаги, не те, что продают в местных лавках.

— Герцог что, живет... здесь? — одними губами шепнула Вивьен.

Зендар обернулся — неторопливо, словно только сейчас вспомнил, что она здесь. Оглядел ее с головы до ног: сбитый капюшон, растрепанные кудри, злые глаза. Улыбнулся — почти заговорщически.

— Сопротивлялись? — В голосе скользнуло одобрение. — Я в вас не сомневался. Садитесь.

Он кивнул на стул.

— Не то что? Ноги сломаете?

Он даже бровью не повел. Прошел к шкафу, достал запыленную бутылку — хрусталь, причудливая форма, явно не из дешевых.

— Долины Аэриндейла. — Зендар повертел бутылку, любуясь светом сквозь стекло. — 936 год. Представляете, сколько королей сменилось, пока это путешествовало сюда?

Вивьен молча смотрела, как вино, выдавшее падение королевств, плещется в потертые глиняные кружки. История несправедлива.

— Мой кучер... он мертв? — спросила она, усевшись. Голос прозвучал тише, чем ей хотелось.

Зендар посмотрел так, словно она спросила, не летают ли свиньи.

— Мертв? С чего бы? Пьян, возможно. Феррук, думаю, не скупился на эль, чтобы его опоить. — Он протянул ей кружку. — Вам правда нечего бояться.

Вивьен взяла вино, но взгляд не отвела. Зендар плюхнулся на стул, взял письма, повертел в руках.

— Ну, хвастайтесь! Что вы для меня добыли?

Вивьен молча смотрела, как его глаза бегают по строкам. Как на лбу появляется легкая складка. Как губы дергаются — то ли в усмешке, то ли в сдерживаемом победном крике.

— Гнойные выделения, — прочитал он вслух и фыркнул. — Боги всемогущие.

— Я думала, вам важнее, что Эсбольд — предатель. Но эта новость — моя любимая.

Подняв на нее глаза, он улыбнулся медленно, с прищуром.

— Любопытство восторжествовало? — Он покачал головой. — Зря.

И снова уткнулся в бумаги.

Вивьен ждала, поерзывая на стуле.

— И? — не выдержала она.

Зендар отложил письма, отпил вина, подошел к двери — проверил засов. Вернулся на место и посмотрел на нее долгим взглядом.

— Что вы поняли из писем?

— Вы что, читать разучились? — Она попыталась огрызнуться, но под этим взглядом потерялась. — Лорды Рубежа пытались взять Балгорн. Король хотел. Не вышло. — Она запнулась. — Эсбольд сказал, его войска застряли на перевале. Вот только... — Вивьен помедлила, — они даже не выступали. Лукас переводил...

Зендар нахмурился, услышав это имя.

— Он отправил армию на поиски... драконов. Горцы нашли, куда они исчезли...

— Драконов?

Вивьен кивнула. Зендар молчал. Секунду. Другую.

— Горцы нашли живых драконов?

— Место, где они живут, если точнее.

Повисла пауза.

— И это Лукас перевел? — Зендар не спрашивал, скорее утверждал. — Как вы его убедили?

Вивьен заерзала и отвела взгляд.

— Я жду. Правду. Так будет лучше для вас.

— Лукас... — Она сглотнула. — Он в кабинете графа. Без сознания. Мне пришлось...

— Он жив?

— Жив. — Слова давались с трудом. — Удар пришелся в висок... Я подложила подушку...

Зендар махнул рукой, заставляя ее замолчать. Резко встал и отошел к окну. Поковырял сажу на стекле, не глядя на нее.

— Кто еще вас видел?

— Служанка, — голос Вивьен упал до шепота. — Я подкупила ее брошью...

— Граф?

— Усыплен. Если повезет — проспит до утра.

Тишина. Вивьен боялась даже моргнуть, чтобы не нарушить ее.

— Я нанял вас, чтобы все прошло тихо. — Зендар сжал кулак. — Без шума. Без крови. Без свидетелей. — Он повернулся к ней. — Вы понимаете, что будет, когда Лукас очнется? Когда его найдет граф?

— Он... может, он и не расскажет. Вы не видели его, он...

— И вы не должны были знать, что в этих письмах.

Зендар замолчал. Вивьен казалось, она слышит, как кипит его мозг.

— Что... что вы со мной сделаете?

Зендар обернулся и, посмотрев на нее долгим взглядом, улыбнулся — улыбка вышла такая, что Вивьен захотелось оказаться где угодно, только не в этой комнате.

— Я вас предупреждал. Вам не стоило в это лезть.

Вивьен сглотнула. Горло мгновенно пересохло.

— Я умею молчать, ваша светлость, — затараторила она. — Я могу исчезнуть. Уехать куда-нибудь. Далеко. Вы обо мне и не вспомните.

— Неужели? — Зендар не сводил с нее глаз. — Вы думаете, я могу отпустить воровку, которая знает такой секрет? На которую завтра же ополчатся все — и стража, и «Тени»?

Она медленно поднялась. Шаг назад. Еще один. Рука нащупала за спиной дверь.

— «Тени», герцог? — Она попыталась усмехнуться. Поговаривали, что после их пыток люди сами просились на плаху. — Серьезно? Да я их... я постою за себя. И вообще...

Рука отодвинула засов и скользнула к замку.

«Да как же ты открываешься?!»

Зендар шагнул к ней вплотную. Ладонь уперлась в дверь над ее плечом.

— Вы крепко влипли, — выдохнул он почти ей в губы. — Отпустить я вас не могу.

Вивьен вжалась в дверь. Он сдул со лба непослушный завиток — черный. Черные волосы. У всех в таверне были черные волосы. У Феррука. У пьянчуг, что вывалились у дверей. У всех людей за столами. У рыцаря, что размахивал руками. У хозяина.

Все они — южане. Его люди. Ей не уйти.

— Ладно. — Вивьен выпрямилась. — Давайте. Ломайте мне хребет. Как вашим лошадям на юге.

— Чего?

— Ну, горбатым лошадям... В Идрании...

Зендар моргнул. Потом еще раз.

— Вы про верблюдов?

Он отступил на шаг, запрокинул голову и расхохотался — громко, искренне, словно мальчишка.

— А я знаю? — обиженно надулась Вивьен. — Твари ваши южные... горблюды...

Он выдохнул, успокаиваясь, и посмотрел на нее как-то иначе — почти ласково.

— Вивьен. — В его голосе прозвучала хрипотца, от которой даже приличные дамы захотели бы расстегнуть корсеты. — Убить вас — проще всего. Вы даже не успеете вскрикнуть.

Она молчала.

— Проблема в том, — он снова шагнул ближе и убрал прядь ее волос за ухо, — что мне не хочется.

Вивьен глубоко вдохнула, словно перед прыжком в воду.

— Я дам вам выбор.

Зендар отошел к столу, набросал несколько строк и протянул ей лист.

— Этого хватит на дорогу. Мои люди отвезут вас в Идранию. Домик в Зефрии, полное содержание — вы не будете знать нужды. Но — никаких контактов, никаких балов, никакой прежней жизни. Мои люди будут вас обслуживать — и следить, чтобы вы ни с кем не говорили.

Вивьен взглянула на цифры — сглотнула. Захотелось пить.

— Вам — долгая жизнь в достатке. Мне — спокойствие, что вы не расскажете то, чего не должны были знать.

Вивьен пыталась сохранить лицо, но оно само скривилось в гримасу, словно она хлебнула уксуса. Герцог усмехнулся.

— Есть и другой вариант. — Он разлил остатки вина по кружкам. — Я помогу вам с Эсбольдом и его семейством. Вы... хоть и напортачили знатно, но были мне полезны. Это, — он ткнул пальцем в письма, — стоит дороже любого золота.

Он протянул ей кружку.

— А вы — будете на меня работать. Сдается мне, еще не раз пригодится вор в обличье леди.

Вивьен перевела взгляд с расписки на герцога. Потом обратно.

— Значит, выбор между смертью, тюрьмой и рабством? Сплошь радостные перспективы.

— Рабством? — Зендар шагнул ближе. — Я щедро плачу тем, кто мне полезен. И надеюсь, вы сделаете правильный выбор — быть полезной. Тогда это, — он кивнул на бумагу, — будет вашим первым вознаграждением.

— Я смогу уйти?

— Уже хотите сбежать? — Он цыкнул. — А я думал, вы сами искали покровительства. — Просмаковав вино, он взглянул на нее: — Вы не захотите уходить.

Вивьен опрокинула кружку залпом, и тут же поймала косой взгляд Зендара — видимо, с таким вином так не поступали. Сунула расписку в плащ. Герцог, заметив это, улыбнулся.

— Уверен, вам понравится. Мои люди не знают нужды.

— Еще? — Она кивнула на пустую кружку.

— Оценили? — Он уже тянулся к шкафу за второй бутылкой. — Это помоложе. Всего триста лет.

Вивьен внимательно рассматривала его. Слишком весел. Слишком легко отпускает. С чего бы? Наверняка это обман. Наверняка ее убьют, как только она выйдет из трактира. В переулке. А может, прямо у дверей. Никто и не спросит. В Нижнем городе такое случается каждую ночь.

Зендар откупорил бутылку, глядя на вино сквозь стекло.

— Знаете, я так браво предложил вам помощь. А сам пока не знаю, как ее оказать. Надо подумать.

Вино оказалось с хитринкой. Вивьен почувствовала, как оно ударило в голову. Она даже зажмурилась на секунду.

— Можем подумать вместе, — сказала она, открывая глаза. — На воздухе, говорят, думается лучше. — Она помолчала. — Я знаю одно место. Правда... туда идти по Нижним улицам.

Зендар вскинул бровь, потом улыбнулся, прихватил бутылку и галантно указал на дверь:

— Дамы вперед.

Внизу, за столиками, трое черноволосых — Феррук и двое других — подскочили, едва увидев герцога. Направились к выходу, словно по невидимому сигналу. Зендар обернулся.

— Не нужно. — Он одернул плащ, показав рукоять кинжала.

Феррук кивнул. Втроем они развернулись и сели обратно так же слаженно, будто и не вставали. Даже стулья не скрипнули.

Они нырнули в узкую улочку. Справа подвыпивший моряк обнимал погасший фонарный столб и пел — судя по интонации, о чем-то очень печальном, хотя слов разобрать было невозможно. Слева двое мужчин месили друг друга в грязной луже. Никто не обратил на них внимания.

— Знаете, герцог, — Вивьен кивнула на его кинжал, — это может вам и не помочь. В Нижнем городе знаете какие вещи случаются?

Зендар ухмыльнулся.

— Клинок не помогает только тому, кто не умеет им пользоваться.

— А вы умелец?

Он остановился, подкинул кинжал, поймал за рукоятку и одним движением сунул обратно в ножны.

— В Идрании мальчики осваивают клинки раньше, чем вилку. — Он обернулся к ней. — Куда нам дальше?

Вивьен указала рукой направление и пошла вперед, краем глаза наблюдая за ним. Герцог не морщился. Не зажимал нос надушенным платком. Напротив — разглядывал пьяниц и торговков с таким любопытством, будто перед ним была не городская окраина, а дикий зверинец.

— Вы здесь как дома, — заметил он, перепрыгивая лужу.

Вивьен чуть не споткнулась.

— Я? — Она заставила голос звучать легко. — Бросьте. Просто здесь недалеко лучшие отмычки — прямо по пути.

Она резко остановилась — показалось, что увидела нотки на плаще у прохожего.

— Здесь безопаснее идти дворами, — сказала она, оглядываясь. — Если, конечно, ваша светлость не боится запаха помоев.

Они остановились у старой стены, заросшей репейником.

— Придется пролезть, — она виновато кивнула на заросли.

— Признаюсь, дамы еще не пытались затащить меня в кусты, — Зендар издал короткий смешок.

— А вы только об этом и мечтаете?

— А о чем еще? Власть и золото у меня уже есть.

Не дождавшись колкости в ответ, он пожал плечами и молча полез следом. Казалось, его ничего не смущает: он только поморщился, когда ветка хлестнула по щеке, и тихонько выругался, когда плащ зацепился за колючку.

— Как неприлично, ваша светлость, — не удержалась Вивьен.

— Обижаете. Когда это я вел себя прилично?

Зендар сказал это шутливо, почти игриво. Любая другая дама обрадовалась бы, приняв это за заигрывание. Но Вивьен видела его насквозь: он — такой же кукловод, как и она, который знает, за какие ниточки тянуть.

Они вышли на край древней крепостной стены. Внизу, в темноте, тяжело дышало море, а там, вдалеке, горел Верхний город — по ночам Велархейм был похож на огромный, пылающий факел.

Обычно этот вид ее успокаивал. Она любила смотреть на волны и представлять, как ныряет с утеса в холодную воду. Наверное, так чувствуется свобода.

Сейчас, смотря на волны, она представляла, как вниз летит тело герцога. Ударяется о камни. Уносится волнами.

Она покосилась на него.

Он точно не даст ей жить. Надо его опередить.

Вивьен плюхнулась на холодный парапет, свесив ноги в пустоту. Зендар опустился рядом — ближе, чем следовало бы.

— Из всех видов столицы, — сказал он негромко, — этот занимает почетное второе место.

Нужно что-то ответить — поддержать разговор. Если он выпьет еще, может, она и не будет никого толкать. Может, он сам поскользнется. Так бывает. Камни мокрые, ветер, темнота.

— А первое? — спросила она, глядя в море.

Он отпил вина прямо из горлышка и протянул ей бутылку.

— Может, покажу однажды.

Она поймала его взгляд — изучающий, чуть насмешливый.

— Как вы узнали про это место? — поинтересовался он.

— Я бывала здесь в детстве, — вырвалось у нее. Язык сработал быстрее мозга.

Зендар, если и заметил, виду не подал, окинув ее теплым, почти заговорщицким взглядом.

— Мне в детстве позволялись лишь прогулки по паркетам и вылизанный сад. Я мог только мечтать о такой свободе.

— Поверьте, иногда лучше сад, — усмехнулась Вивьен, глотнула вина и посмотрела на него поверх бутылки.

Нет. Нельзя обмануться. Он специально. Ждет, чтобы она расслабилась. Может, и сам уже прикидывает, как сбросить ее вниз. Надо встать. Надо толкнуть. Одно движение. Всего одно. Разве это так сложно?

Руки предательски затряслись.

Он так красив. Звездный свет падал на его лицо, подчеркивая скулы, высвечивая ровный разрез губ. Его тело, его губы, его глаза — все это распухнет в воде. Станет синим, черным, неузнаваемым. Уже одна мысль об этом была хуже любого преступления.

Она зажмурилась. Что чувствуют убийцы? Злость? Жалость? Страх? Она чувствовала только тошноту. Голова шла кругом, и камни под ней, казалось, качались.

Зендар мельком глянул на ее руки, забрал бутылку и отпил, не сводя с нее глаз.

— Не хватит сил. Вы слишком маленькая.

— О чем вы? — Она захлопала глазами, придавая лицу невинный, непонимающий вид.

— О вашем плане столкнуть меня в волны. Не хватит сил.

Руки затряслись сильнее. Как он понял? Зараза! Она попыталась вцепиться в парашют — нужна опора. Слишком скользко, гладко. Сжала кулаки. Его кинжал! Если успеть...

— Вы скорее сами свалитесь, чем достанете его из ножен, — сказал он спокойно. — Лишать людей жизни — тоже искусство. Ваши движения пока выдают все, что вы задумали. Если хотите научиться — обратитесь к Ферруку.

Вивьен молчала. Тело не слушалось. Попыталась выхватить у него из рук бутылку, но та выскользнула и полетела вниз. Она качнулась следом, но Зендар придержал ее за бедро, не давая упасть.

— Вы никогда не убивали никого, ведь так? Это заметно.

Вивьен покачала головой. Руки тряслись, дыхание сбивалось. Вдох, выдох — она зажмурилась.

— Толкайте. — Ее пробрала дрожь — волны, наверное, будут ледяными.

Зендар насмешливо смотрел на нее несколько секунд и, скользнув рукой по бедру, придержал за плечо.

— Феррук пытался убить меня дважды. Второй раз почти получилось. Пролез ко мне в спальню, хитрец. Тогда я понял, что сделал правильный выбор, наняв его.

Тепло его ладони ощущалось даже сквозь ткань плаща на ее худом плече — странным образом это действовало успокаивающе.

— Я не собираюсь вас убивать. И сдавать страже — тоже. — Он покачал головой. — Ирония в том, что даже если бы вы вернулись с пустыми руками, я бы вас не сдал — ни вла-

стям, ни «Теням». Я изначально и не собирался — причем исключительно назло им. Не очень уважаю их, знаете ли.

Вивьен открыла глаза. Смотрела на него, ничего не понимая. Его слова были нелогичны, но им хотелось верить. Дрожь утихала.

— Зачем вы мне это говорите?

— Честность — тоже форма манипуляции. — Зендар улыбнулся, не глядя на нее, и убрал руку. — С вами не работает шантаж. Угрозы и деньги — тоже. Может, сработает правда? — Он посмотрел ей прямо в глаза. — Мне бы хотелось, чтобы вы работали со мной не потому, что не можете уйти. А потому, что хотите. И, поверьте мне, вы хотите.

Вивьен смотрела на волны. Они бились о стену, рассыпались в брызги, снова накатывали. Если задуматься, даже у них нет свободы. Разве они могут не биться об утес?

— Допустим, я вам доверюсь... Что вы будете делать? Сдадите Эсбольда королю?

— Нет. — Зендар покачал головой. — Если паршивец и правда нашел драконов, королю нельзя об этом узнать.

— Почему?

— Если они живы, если до них можно добраться... а вдруг среди них есть черные? Тогда можно будет сделать новые защиты от магии. Этот ублюдок заинтересуется, положит кучу людей на это. Я не могу этого допустить.

— И как тогда...

— Я подумаю. Служанку убрать — легко. Лукаса — тоже. А граф... — Он ухмыльнулся. — Хоть убейте — пока не могу придумать, как его остановить. Вино, видно, не лучший советчик.

Вивьен вздохнула, подтянула колени к груди, обняла их и уткнулась в них лицом. Может, и лучше бы было, если бы он просто толкнул ее и оборвал все ее мучения. Или кинжал в сердце? Быстрее и не так больно.

— Не переживайте. — Его рука легла ей на плечо. — Я обещал решить вашу проблему — и я решу. Пока вы побудете в трактире. Он мой, о нем никто не знает. Мои люди за вами присмотрят.

Вивьен замерла. Жар от его ладони, казалось, разливался по всему телу. Нет. Даже если бы ей хватило сил, она бы не столкнула его. Не смогла бы.

— А если... — Она подняла глаза, голос стал увереннее. — Если мы испортим его репутацию? Так, чтобы к нему никто не прислушался? Даже на порог не пустил?

— Что вы задумали? — Зендар посмотрел на нее с интересом.

Вивьен улыбнулась — как палач перед отсечением головы.

— О, герцог. — В ее глазах зажглись искры. — Вы даже не представляете, какую участь я приготовила графу.

Глава 5. Мести сладкий вкус

Вивьен проснулась в темноте и не сразу поняла, где она. Окн

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.